

НОМИНАЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ БЕЗ ДЕТЕРМИНАТИВОВ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. Чебялис

Номинальная синтагма старофранцузского языка обладает рядом особенностей, из которых одни отсутствовали в латыни, а другие отсутствуют на современном этапе французского языка. С точки зрения грамматической организации установка старофранцузского имени составляет как бы промежуточное звено между латынью и новофранцузским языком. Такое утверждение является справедливым, так как, действительно, в старофранцузском имя существительное могло функционировать без детерминативов, что было естественно для латыни и что невозможно в современном французском, и с детерминативами, что возможно в обоих языках при условии, что принимается во внимание отсутствие артикля в латыни. Функционирование языковых элементов в предложении никогда не является чисто формальным, оно всегда базируется на грамматической структуре языка и на семантике языковых единиц. Имя существительное и глагол, как это уже было отмечено древними греками¹, составляют две основные группы слов, которые служат опорными пунктами для передачи наиболее существенных явлений окружающего мира: процесса и вещественности. Субстанциальные явления передаются именами существительными, но сама передача смысловой реальности предполагает языковую форму или, более конкретно, грамматическую систему. В латинском языке, кроме обычной морфологической формы, вполне достаточной для функционирования в предложении, имя существительное в своей установке может быть наделено различными детерминативами, указывающими на тот или другой аспект его отношений с реальным миром (указательные, притяжательные, неопределенные местоимения и имена числительные). Но именная установка с детерминативами в латинском языке не имела ничего общего с требованиями грамматической системы, она определялась исключительно семантической стороной сообщения. На самой заре старофранцузского языка в системе имени выделяется обобщенный детерминатив — форма артикля. Поскольку

¹ V. Brøndal, *Les parties du discours, — Études sur les catégories linguistiques*, Copenhague, 1948, стр. 24.

артикле, выделившись из семантических детерминативов, функционирует в первую очередь в грамматической системе, его появление в старофранцузском языке означает значительный сдвиг в сторону грамматикализации. Местоименные детерминативы, можно полагать, функционируют в старофранцузском, как и в латинском языке, на базе смысловых потребностей носителей языка. Нужно отметить однако, что в старофранцузском языке употребление местоименных детерминативов количественно возрастает несколько раз больше, чем в латыни, особенно классического периода. Это означает, в свою очередь, что эти детерминативы в старофранцузскую пору являются грамматикализированными в гораздо более значительной степени, чем в латыни, хотя в некоторых случаях их появление бесспорно обусловлено чисто семантическими потребностями. Можно полагать, что в случаях, когда эти потребности не сознавались говорящими, в номинальной синтагме появлялась форма артикля. Если в латыни номинальная синтагма без детерминативов составляла ее естественную грамматическую форму, то в старофранцузском такую форму составляла скорее синтагма с детерминативами. Наряду с синтагмами с детерминированной установкой в старофранцузском языке функционировали номинальные синтагмы и без детерминативов, но их функциональное осмысление было, по-видимому, уже иным, чем в латыни. Следовательно, если в пору становления французского языка произошли сдвиги в образовании грамматической установки номинальных синтагм, то естественным образом возникает вопрос, на чем же зиждилось функционирование номинальных синтагм без детерминативов в старофранцузском языке.

— — —

При изучении синтагм субъекта без Z, D (Z обозначает форму артикля, D указательное, притяжательное, неопределенное местоимение или имя числительное) имена собственные без определений и слово *deus* в анализ не включаются, так как их грамматическая установка остается такой же на всех этапах развития языка. Рассматривая противопоставление без Z, D (с Z, D в сфере субъекта, интересно отметить, что оно, начиная со второй половины X века, сводится к весьма ничтожному количеству субъекта без детерминативов в конце XI века, так, в *Passion* без Z, D 0,34 против 0,66 с Z, D, в *Alexis* 0,21 против 0,79, в *Pèlerinage* 0,08 против 0,9 (т. п.). Сравнение субъекта без Z, D с субъектом с Z, D показывает, что среди детерминативов самым четким образом преобладает форма артикля, так, в *Passion* Z 0,78 против D 0,22, в *Alexis* 0,66 против 0,33, в *Pèlerinage* 0,9 против 0,1 (т. п.). Эти данные свидетельствуют о важности роли артикля в созда-

нии грамматической формы для субъектной синтагмы. Роль артикля остается не менее значительно подчеркнутой и в ряду противопоставлений: без Z, D (с Z) с D. Так, в *Passion* 0,34/0,5/0,16, в *Alexis* 0,21/0,53/0,26, в *Pèlerinage* 0,8/0,82/0,09 (т. II). Четкое преобладание артикля и сведение к весьма ничтожному удельному весу субъекта без Z, D и субъекта с D особенно хорошо выявляется к концу XI века в *Pèlerinage*.

Свою мысль говорящий передает предложением, которое является основной единицей синтаксиса. Предложению всегда свойственна своя собственная организация, у которой есть основные опорные пункты — субъект, источник действия, и само действие. Если предложение не является безглагольным и обладает полностью выраженными грамматическими контурами, источник действия получает форму существительного, а само действие форму глагола. В предложении эти два основных элемента, несмотря на отсутствие или присутствие целого ряда второстепенных моментов, уточняющих основную мысль говорящего, находятся в непосредственной связи друг с другом. Если их взаимное расположение в современном французском языке является весьма четко установленным моментом в структуре французского предложения, то в период старофранцузского рамки для такого расположения были гораздо шире. Постпозитивное положение субъекта по отношению к глаголу, что возможно, но что требует особой фразовой структуры в современном языке, было весьма обычным явлением в старофранцузском. Интересно отметить в изучаемых нами памятниках явное преобладание постпозиции среди синтагм субъекта с детерминативами; так, в *Passion* коэффициент препозиции 0,46 против 0,54 постпозитивного коэффициента, в *Alexis* 0,37 против 0,63, в *Pèlerinage* 0,45 против 0,55 (т. п.). Количественное, хотя и не столь значительное, преобладание субъектных синтагм с Z, D в постпозиции может быть объяснено тем фактом, что наличие детерминативов принимает некоторое участие в укреплении грамматических контуров самой синтагмы и в создании определенного равновесия в грамматической организации всего предложения. Количественный перевес какого-нибудь одного грамматического явления никак не означает, что оно непременно является выразителем глубокой тенденции в развитии языка². Ведь любое грамматическое явление находится в определенной связи с другими, оно обуславливается ими. Поэтому, несмотря на количественное преобладание, его дальнейшая судьба может следовать как раз той части явления, которая в определенный момент количественно оказывается выраженной в гораздо меньшей мере. Так, неоднократно наблюдаемый перевес постпозитивного положения субъек-

² R. L. Wagner, *Grammaire et philologie*, 2e éd. revue, Paris, 1960, стр. 41.

та в старофранцузском раннего периода вскоре действительно уступает место препозитивному его положению.

Тот факт, что детерминативы и порядок слов взаимосвязаны в определении постоянного места для субъектной синтагмы, хорошо освещается данными о субъекте без *Z, D*. Если детерминативы, укрепляя контуры субъектной синтагмы, позволяют ей функционировать в постпозиции и при этом еще имеют некоторый перевес над препозицией, то отсутствие детерминативов указывает на совершенно иное соотношение препозиции и постпозиции. Так, коэффициент субъектных синтагм без *Z, D* оказывается в *Passion* для препозиции 0,79 против 0,21 для постпозиции, в *Alexis* 0,73 против 0,27, в *Pèlerinage* 0,66 против 0,33 (т. I). Эти коэффициенты свидетельствуют о том, что постпозиция для субъекта без *Z, D* не является исключенной, хотя его наличие не оказывается значительным.

Если согласиться с положением, что глубинная тенденция в старофранцузском синтаксисе была закреплением за субъектом препозитивного положения по отношению к глаголу, то препозицию можно сразу считать признаком, передающим определенную грамматическую информацию в функционировании именных синтагм. Нужно сразу отметить, что в период старофранцузского препозитивное положение именной синтагмы по отношению к глаголу было возможно также и для глагольного объекта. Следовательно, одна лишь синтаксическая ситуация не могла быть решающим фактором в процессе общения. Возникает вопрос, каким же образом передавалась слушающему информация о столь различных функциях, которые ни в каком случае не должны были давать повод к двусмысленности.

В последующем анализе субъектные синтагмы без *Z, D* условно разбиты на три группы. Первую составляют одночленные синтагмы обоих родов, не сопровождаемые никакими определениями. В *Passion* имеется 17 синтагм этого типа в препозиции, из которых лишь в одном случае объект существительное находится также в препозиции *gran e petit deu van laudant* (46). Обе синтагмы подлежащего имеют четкую форму *cas sujet* мужского рода, причем у объекта форма *cas régime* также является обычной, а само предложение построено на интранслятивном³ глаголе *van*, и объект *deu* управляется не глаголом *van*, а номинальной формой *laudant*. Таким образом, в данном примере, кроме синтаксической ситуации препозиции, функция субъекта обозначается еще и четкостью морфологической формы и самой структурой предложения, где основной предикативный глагол исключает

³ Под термином интранслятив понимается любое сообщение без эксплицитного объекта для глагола, под термином транслятив — любое сообщение с эксплицитно выраженным беспредложным или предложным объектом для глагола.

возможность беспредложного объекта. Этот максимум признаков, дающих возможность именной синтагме функционировать в качестве субъекта, осуществляется далеко не всегда. Среди 17 синтагм данного типа лишь три конструируются с транслятивным глаголом, из которых две находятся в конструкции с транзитивными глаголами в обычном смысле этого термина *a colleiar fellon lo presdrent* (186) и *et en son cab fellun l'asisdrent* (248), где глагольный объект выражен субститутом, а не существительным; третья конструируется с транзитивным глаголом, объект которого выражен существительным с предлогом и находится в постпозиции *sicum prophetes anz mulz dis canted aveien de Jesu Crist* (27–28). В первых двух примерах потенциально возможное наличие глагольного объекта осуществлено формой субститута, у самой субъектной синтагмы остаются препозиция и форма *cas sujet* мужского рода. В третьем примере возможность глагольного объекта реализуется именной синтагмой с предлогом, что сразу исключает любую ее возможность функционировать в качестве субъекта, причем она находится в постпозиции. Следовательно, у *prophetes* остается лишь препозиция и косвенный признак — постпозитивное положение второй именной синтагмы, так как морфологическая форма *prophetes* не соответствует стандарту *cas sujet* множественного числа мужского рода. Итак, в этих трех примерах именная синтагма субъекта имеет лишь два признака, несущих информацию о ее функционировании.

Интересно отметить, что из 17 синтагм в препозиции лишь три конструированы с транслятивом, т. е. когда реализация глагольного объекта является не только лишь теоретической возможностью, но и осуществляется в той или иной форме, однако при всем этом не создается никакой функциональной двусмысленности. Остальные 14 синтагм в препозиции конструированы с интранслятивами. Некоторые из них вообще исключают возможность глагольного объекта (непереходные глаголы в обычном смысле термина) *dunc lo pausen el monument o corp spus non jag anc a cel temps* (351–2); *armand esterent envirun* (153); *forsfaiz non os* (230); *quar finimunz non es mult lon* (505); другие исключают возможность объекта лишь в данной конструкции *cum soleilz fo esclairaz* (390). Во всех этих случаях *cas sujet* мужского рода сохраняет свой стандарт в обоих числах. Женский же род падежного различия не знал, поэтому функциональная форма синтагмы сразу же лишается одного признака *qui in templum dei cortine pend* (327); *femnes lui van detras seguen* (257); *tan durament terra crollet, roches fendient* (322–3), но во всех этих случаях функционирование этих синтагм в качестве субъекта полностью обеспечено их синтаксическим положением и интранслятивной конструкцией самого предложения.

В двух случаях существительное женского рода оказывается подвергнутым элидированию *vil'es desoz mont Oliver* (18,118), но, благодаря наличию единственного существительного в беспредложной конструкции и характеру глагола, любые сомнения о функциональной роли данной синтагмы исключаются.

Вторая группа объединяет двучленные субъектные синтагмы, состоящие из существительного и адъективного или номинального определения. В *Passion* имеется 9 таких синтагм в препозиции. Три из них конструированы с транслятивом *sa passions, peisons tostaz, lo mels signa deitet* (443–4); *que grant pavors pres als Judeus* (74); *jusque nona des lo meidi trestot cest mund granz noiz cubrid* (309–10). Субъектная синтагма *peisons tostaz* находится среди двух других, которые имеют детерминативы, но с морфологической точки зрения лишь *peisons tostaz* полностью соответствует стандарту *cas sujet* ед. ч. муж. р., причем глагольный объект *deitet* находится в постпозиции и четко представляет *cas régime*. Субъектная синтагма *grant pavors* обладает гибридной морфологической формой, она сама по себе является противоречащей, но, самое важное, ее противоречивость ничуть не вредит, а наоборот еще сильнее выявляет функцию субъекта. Порядок слов в обоих предложениях является весьма современным – SVO. В третьем предложении – OSV – обе именные синтагмы находятся в препозиции, первая имеет детерминатив, вторая не имеет, зато первая полностью соответствует форме *cas régime*, а вторая *cas sujet*, даже прилагательное *grant*, сохраняя форму ж. р. в *grant pavors*, получает *s* в *granz noiz*.

Предложение *ensobre tot petiz enfan osanna semper van clamant* (47–8) соответствует по существу не SOV, а SOV₁V₂, где S находится в прямом соотношении с V₁, а O с V₂; в самой синтагме *petiz enfan* прилагательное имеет форму *cas régime* и вся синтагма, кроме своей частичной морфологической формы и общей структуры всего предложения, имеет функциональную нагрузку субъекта особенно благодаря семантическому противопоставлению *enfan /osanna* на фоне их объединяющей формы глагола *van laudant*.

Другие 4 субъектные синтагмы находятся в чисто транслятивных конструкциях *sepulcra sanz obrirent mult* (324), *Jesus rex magnes sus monted* (26); *et mult corps sanz en sun exit* (325); *et regnum deu fortment es prob* (506). Морфологическая форма этих синтагм заметно страдает в четкости, так, *sepulcra, regnum* являются чисто латинскими формами, способными представлять оба падежа старофранцузского языка, *corps* в старофранцузском сразу потерял падежные различия, лишь *rex*, хотя и в латинской форме, но еще в сопровождении прилагательного *magnes* четко представляет *cas sujet*. Правда, *sepulcra sanz*, так же как и *mult corps sanz*, под-

крепляются *mult*, хорошо воспроизводящим *cas sujet* мн. ч. муж. р., а морфологическая форма последней синтагмы подкрепляется косвенным образом еще и формой причастия прошедшего времени *exit*. Зато для *regnum deu* в качестве признаков функции субъекта с грамматической точки зрения остается лишь препозиция и транслятивная конструкция всего предложения, исключая любую возможность появления глагольного объекта. Последняя синтагма второй группы *gran folc s aredre, gran davan* (45) находится в предложении без глагола, прилагательное *gran*, повторяющееся два раза, не соответствует обычной форме *cas sujet* ед. ч. муж. р., хотя сама синтагма в целом является безусловно субъектом и условно нами отнесена к препозиции.

Третью группу составляют названия национальностей и имена собственные с определениями. В *Passion* имеется 9 таких синтагм в препозиции. Например, *post que deus filz suspensus fue* (312); *al dezen jorn ja cum perveng, Spiritus sanctus sobr' elz chad* (475); *sanz Pedre sols seuguen lo vai* (167); *sanct Pedre sols venjar lo vol* (157); *sanz Symeonz lo i percogded* (340); *Judeu l'acusent* (225); *felo Judee... enz lor cors grand an enveie* (77). Можно отметить, что субъектные синтагмы этого типа, как в транслятивных, так и в интранслятивных предложениях, сохраняют довольно четкие морфологические контуры. Их четкости, кроме редких исключений типа *sanct Pedre*, способствует как их латинизированная форма, так и некоторое стремление стать формулообразными изречениями, которые характером своего функционирования приближаются к понятию имен собственных. В безглагольном предложении *Christus Jesus per tot ab elz* (488) субъектная синтагма весьма обосновано, хотя и условно, функционирует в препозиции.

Среди одночленных синтагм *Alexis* и *Pèlerinage* доминируют интранслятивные конструкции, в которых хорошо соблюдается четкость морфологической формы *cas sujet*, за редкими исключениями *cume en mai en estet quant soleil esclarist* (*Pèlerinage* 383, 443), где информация о функции субъекта передается препозицией и интранслятивной конструкцией самого предложения. В других случаях интранслятивного конструирования морфологическая форма сохраняется со всей четкостью, но сам субъект существительное находится на грани перехода в другую категорию слов, например, *c'est avisunkes qu'hom n'i poet abiter* (*Alexis* 575), ср. *Pèlerinage* 408, где *hom* вместе с отрицанием функционирует наподобие латинского *nemo*, и так как во французском языке отрицание тесно связано с глаголом, форма *hom* постепенно теряет свойства существительного, тем более что в номинальной синтагме в качестве обязательного элемента появляется детерминатив, а сама форма *cas sujet* постепенно уступает все свои позиции обобщенной форме *cas régime*

и переходит в разряд субститутов существительного. В других случаях, например, *tut le depart, que giens ne l'en remest* (Alexis 92), субъект *giens* (из лат. *genus*) функционирует в качестве существительного, концентрирующего в самом себе отрицание всего предложения; возможно, поэтому само существительное не могло полностью развить своей грамматической установки и исчезло, уступая место *rien*.

Транслятивно конструированные одночленные именные синтагмы плохо соблюдают морфологическую форму *cas sujet*, например, *pechiet le m'at tolut* (Alexis 108); *co'st grant merveile que pietet ne t'en prist* (Alexis 440); к ним относится также случай, где слово уже по природе своей формы стояло вне падежных различий *ne guardent l'ure que terre nes anclodet* (Alexis 305). Слова типа *pietet*, хотя будучи жен. р., хорошо знали признак *cas sujet s*, которым они часто наделялись ради более четкого различения *cas sujet* от *cas régime*. Зато у слова *pechiet* остается лишь его препозитивное положение в качестве признака, указывающего на функцию субъекта. Все эти три предложения обладают полностью выраженными транслятивными конструкциями, в которых, однако, глагольный объект выражен не именами существительными, а субститутами. Таким образом, *pietet*, *pechiet*, *terre*, будучи единственными существительными в этих предложениях, могут восприниматься лишь как субъекты действия. Так же должны восприниматься и следующие синтагмы *surz ne avoegles ne contraiz ne leprus ne muz ne clos ne nuls palazinus... cel n'en i vint ki n'aport sa dolor* (Alexis 551–2), хотя все они оказываются повторены обобщенной формой указательного местоимения *cel*; в качестве функциональных признаков все эти субъекты, кроме препозитивного предложения, имеют еще и идеальную форму *cas sujet*.

Двучленных синтагм имеется 5 в Alexis, а в *Pèlerinage* они вовсе отсутствуют. Среди них также преобладают транслятивные конструкции, например, *sainte escriture ço ert ses conseillers* (258); *si grant ledece nus est apareude* (533); *si grant dolor or m'est apareude* (484, 409); *cum fort pechiet m'apresset* (59). Синтагма *sainte escriture* своим характером приближается к формулообразным изречениям и, будучи единственным существительным в транслятивной конструкции, не вызывает никакого сомнения в определении ее функции. *Si grant ledece* и *si grant dolor* также являются единственными существительными, но, благодаря своему грамматическому роду, они оказываются вне падежных различий, однако определение их синтаксической функции также не вызывает сомнения. Нужно отметить, что последние синтагмы обладают некоторой особенностью, которая вовсе отсутствовала в *Passion*, а именно их грамматическая установка является как бы укрепленной адвербиальной частью *si*. Восклицательным наречием *cum* укреплена

и синтагма *fort pechiet*, которая в общем имеет форму *cas régime* вместо *cas sujet*. В этой последней синтагме, которая при этом находится еще и в полностью выраженной транслятивной конструкции, нет никаких признаков, указывающих на функцию объекта, кроме препозитивного положения в предложении и полного отсутствия другого существительного.

Субъектные синтагмы третьей группы в *Alexis* (их имеется 11) и в *Pèlerinage* (их имеется 14) представляют те же самые грамматические черты в препозиции, как и в *Passion*. При любом характере глагола они сохраняют удивительно четкую форму *cas sujet*, которая остается такой же и в постпозиции. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех нами анализируемых памятниках названия народностей, будь они с определениями или без них, образуют свою грамматическую установку в функции субъекта без детерминативов. По своему характеру они либо приближаются к именам собственным, либо превращаются в формулообразные изречения, например, *danz Alexis* встречающийся 8 раз в функции субъекта и два раза (114, 368) в такой же форме в функции объекта, правда, в постпозиции по отношению к глаголу.

Итак, субъектная синтагма без *Z, D* в препозиции конструируется в большинстве случаев с глаголами интранслятивного типа, т. е. вообще исключаящими возможность глагольного объекта или употребленными без него в данный момент: в *Passion* коэффициент транслятива 0,33 против 0,6 интранслятива, в *Alexis* 0,37 против 0,4 (нужно иметь в виду довольно значительный коэффициент субъектных синтагм в предложениях без глагола), в *Pèlerinage* 0,35 против 0,6 (т. 1). Этим сказывается, по всей вероятности, стремление говорящих исключить любую возможность двусмысленности в процессе общения, так как во всех случаях препозитивного положения субъектных синтагм в *Passion, Alexis* и *Pèlerinage* имеется лишь один случай именных синтагм субъекта и объекта в препозиции (*Passion* 310), но в этом случае, как это уже отмечалось выше, обе синтагмы обладают идеальной морфологической формой. Нужно признать, что в таких случаях, кроме грамматической установки этих синтагм, вступает в действие семантический фактор, при воздействии которого противопоставление *cest mund /granz noiz* на фоне глагола *subrid* не оставляет сомнения в их синтаксических функциях.

Как показывают данные т. III, коэффициент субъектных синтагм, воспроизводящий препозитивное и постпозитивное соотношение без *Z, D* и с *Z, D*, учитывая общее количество этих синтагм, является самым незначительным для без *Z, D* в постпозиции, так, *Passion* 0,07, *Alexis* 0,06, *Pèlerinage* 0,02. Этот же коэффициент является наиболее значительным также в постпозиции, но для с *Z, D*, так, *Passion* 0,35, *Alexis* 0,5, *Pèlerinage* 0,5. Решающим фактором, определяющим величину коэффициента в одной и той же синтаксической

ситуации, является грамматическая установка. Постпозитивное положение субъекта нами определялось как не отражающее глубинных тенденций в развитии именной системы в старофранцузском языке, поэтому синтагмы без *Z, D* оказываются на грани исчезновения, а с *Z, D* оказываются даже преобладающими, так как детерминативы при именных синтагмах субъекта укрепляли их общую установку и способствовали выявлению их синтаксической функции. Коэффициент же, указывающий на разницу между без *Z, D* и с *Z, D*, в препозиции не является столь решительным, так, *Passion* без *Z, D* 0,26 против 0,31 с *Z, D*, *Alexis* 0,15 против 0,28, *Pèlerinage* 0,5 против 42. Приведенные коэффициенты указывают, главным образом, на тот факт, что в препозиции субъектные синтагмы могли организовать свою установку с детерминативами и без них. Субъекты без детерминативов явно идут на убыль (в *Pèlerinage* их лишь 0,05). Но тем не менее они возможны. Такая возможность установки без *Z, D* и с *Z, D* для субъекта в препозиции может быть объяснена подчиненностью конкретной позиционной установки более общему синтаксическому функционированию, осуществляемому в категории субъекта. Причем требуется подчеркнуть, что синтаксическая функция субъекта сама подчиняется семантической действительности, которая, в свою очередь, обуславливает реализацию той или иной конкретной установки для синтагм субъекта.

Препозитивное положение субъектной синтагмы можно рассматривать как выражение глубинной синтаксической тенденции старофранцузского языка лишь на одном основании, а именно с точки зрения результата исторического развития языка. Кроме того, нельзя оспаривать, что в памятниках старофранцузского языка действительно можно наблюдать постепенное закрепление за субъектом постоянного места в препозиции. В изучаемых нами памятниках *Passion*, *Alexis*, *Pèlerinage* общая количественная оценка объектных синтагм этого факта еще не подтверждает. Так, коэффициент, отражающий препозитивное и постпозитивное соотношение субъекта без учета наличия или отсутствия элементов *Z, D*, показывает, что препозиция не обладает сколько-нибудь более значительным перевесом: в *Passion* препозиция 0,57 против 0,43 постпозиции, в *Alexis* 0,38 против 0,62, в *Pèlerinage* 0,52 против 0,48 (т. III). Зато в группе без *Z, D* постпозиция именных синтагм субъекта оказывается выраженной довольно слабо (т. I).

В *Passion* имеется 4 синтагмы, относящиеся к I группе, в *Alexis* 9 и в *Pèlerinage* 6 (т. I), всего 19 таких синтагм в постпозиции против 34 в препозиции. Если допустить, что постпозиция не является характерным признаком для субъекта, то все эти 19 синтагм оказываются лишёнными одного грамматического признака, который указал бы на их функцию, Такими указателями оказываются морфологическая форма их грамматической установки и вся

грамматическая и семантическая структура всего предложения в целом. Например, *hanc non fud hom qui magis l'audis* (Passion 88); *iluec paist l'um del relief de la table* (Alexis 247); *ne l'em poet hom blasmer* (Alexis 255); *bien i poet home veer* (Pèlerinage 149); *ainz ni sist hume ne unkes pus oncore* (Pèlerinage 122); *envets humiliet es deit eom ben enfraindre* (Pèlerinage 789). Лингвистический опыт анализа действительности, характерный для носителей старофранцузского языка, направлял языковое развитие к выработке обобщенного лица, предполагающего лишь человеческие существа, так как уже существующее общее лицо *il* могло служить для выражения как живых существ, так и предметов. Формой для такого лица послужило *cas sujet* слова *homo*. Поэтому во всех вышеприведенных примерах *homo* выполняет скорее функцию субститута, чем существительного, хотя форму сохраняет типичную для существительного, так как два раза в функции субъекта выступает *cas régime*. В первом случае (Pèlerinage 442) — нужно отметить, что весь текст Pèlerinage нами цитируется по дипломатической копии И. Коха — форма *home* при натяжном толковании может быть понята как объект к инфинитиву *veer*, если признать субъектом глагола *poet* наблюдателя, поставленного королем Тугоном. Но такое толкование представляется мало вероятным, о чем свидетельствует критический текст Э. Кошвица, где он вставляет форму *cas sujet hom*. Второй пример (Pèlerinage 122), в котором *hume* выполняет функцию субъекта и в котором Э. Кошвиц также вставляет форму *cas sujet*, составляет чисто интранслятивную конструкцию, исключаящую любую возможность истолковать *hume* как объект с точки зрения синтаксического функционирования. Этот факт может быть объяснен, по всей вероятности, следующим образом: в синтаксической системе старофранцузского языка препозиция номинальной синтагмы по отношению к глаголу воспринималась говорящими как основной выразитель функции субъекта, а если в речевом потоке это не осуществляется должным образом, в сознании говорящего возникает неуверенность, которая находит свое выражение, главным образом, в нечеткости грамматической формы. Употребление *cas régime home* вместо *cas sujet hom* свидетельствует скорее о том, что в данном случае *home* был воспринят как имя существительное, а не как обобщенная форма личного местоимения, поэтому и появляется форма *cas régime*, которая неуклонно пробивала себе путь как единственная обобщенная форма для имени существительного. Таким образом, из 19 субъектных синтагм без *Z*, *D* в постпозиции 7 могут считаться представляющими скорее обобщенную форму личного местоимения, чем имя существительное. Можно еще отметить, что в *Passion*, *Alexis* и *Pèlerinage* *hom* в функции *cas sujet* нигде не встречается с артиклем, а лишь с отрицательным местоименным детерминативом (например, *Passion* 339 *nulz om mortalz* в пре-

позиции, 356 *nulz om* в постпозиции), выражающим понятие *homo* в качестве неопределенного личного местоимения. Поэтому в постпозиции грамматическая установка *homo* в подавляющем большинстве случаев организуется без *Z, D*. Ср. также *cum si l'ait ost predethe* (Alexis 143), где обычная форма *cas sujet* до XIV века была *OZ, OS*.

Язык анализируемых нами памятников, кроме общей коммуникативной функции, обладает еще и некоторыми эстетическими целями, преследование которых может повлечь за собой значительные изменения в структуре предложения, но во всех случаях любые перестройки поэтизированной фразы должны остаться в пределах коммуникативных возможностей. Например, *cum de Jesu l'anma 'n anet, //tan durament terra crollet, //roches fendient, chedent munt, //sepulcra sanz obrirent mult* (Passion 322–4), где постпозиция *munt* объясняется необходимостью создать ассонанс *munt: mult*, который весьма строго соблюдался в поэтике старофранцузского языка. Возможно, по соображениям поэтической техники создается постпозиция в *quer feit i ert e justise ed amur, //s'i ert creance* (Alexis 2–3) или *par la deu grace vochiet amperador* (Alexis 362), где в обоих случаях вся пятистрочная строфа строится соответственно на ассонансе и или *o*. Но если требованиями поэтической техники можно объяснить постпозицию субъекта, то этого никак недостаточно для объяснения организации самой синтагмы, так как и в строках 322–4 и в 2–3 одни субъекты находятся в препозиции, другие в постпозиции. Они объединяются лишь общим организационным принципом их грамматической установки, а именно без *Z, D*. Частичное объяснение (во всяком случае для строк 2–3), по всей вероятности, можно найти в том, что в грамматиках называется исчислением, так как такая грамматическая характеристика позволяет организовать номинальные синтагмы без *Z, D* и в современном французском языке. Однако простое исчисление чего-либо преследует определенные коммуникативные цели. Ведь в потоке речи таким образом собеседнику представленные понятия воспринимаются скорее не как вообще неизвестные, а как новые, важные в данной ситуации, как те, которые ему преподносятся в довольно обобщенном виде.

В примерах *nen est merveile, n'ai mais filie ne filz* (Alexis 465); *n'i vint amferm de nul amfermetet, quand il l'apelet sempres n'en ait santet* (Alexis 556–7) постпозиция субъектов объясняется отрицанием, дающим начало всему предложению и вызывающим инверсию в обычном следовании. Обязательно нужно отметить, что постпозиция субъекта имени не допускает постпозиции объекта имени. Если постпозиция субъекта конструируется транслативно, то даже объект субститут находится в препозиции по отношению к глаголу, например, Alexis 143, Passion 332. В вышеприведенных примерах *merveile*

сразу же представляет общую форму имени существительного, так же как и *amferm*, который в форме *cas régime* выполняет функцию *cas sujet*. Объяснить же организацию самой синтагмы без *Z, D* можно лишь тем, что в самом начале сильно подчеркнутое отрицание составляет главный момент в передаваемой информации, а сразу после него следующий субъект существительное оказывается так сильно охваченным атмосферой отрицания, что оно само лишь называет содержание отрицания и функционально выполняет роль как бы субститута, поэтому его синтагма организуется без детерминативов и предпочитает обобщенную форму.

Отрицание оказывается на самом деле сильно действующим фактором, например, *audez, filies Jerusalem per me non vos est ob plorer* (*Passion* 262), где весьма четко ощущаются контуры будущей безличной конструкции. Отрицание до такой степени поглощает следующие за ним элементы, что они выступают лишь в качестве весьма обобщенных названий, которые не нуждаются даже в сколько-нибудь четкой грамматической установке. Ср., например, текст М. Люкинга *rog mei non vos est uops plorer* (262), где существительному дана полная форма *cas sujet*. Полная морфологическая форма сохраняется в аналогичных условиях и в оригинальном тексте *mais per vos et per vestres filz plorer assaz, qui obs vos es* (*Passion* 263–4). В первую очередь здесь нужно отметить препозитивное положение *obs* и присутствие формы *qui*, которая может быть воспринята как относительное местоимение, т. е. сокращенный вариант *se qui* со значением среднего рода, но полная морфологическая форма *obs*, да еще в препозиции, указывает скорее на функцию субъекта, чем на именное сказуемое. Форма *qui* может быть воспринята как вариант союза *que* и тогда довольно четко выступает характер безличной конструкции, что и отражается в тексте М. Люкинга *plerez asez, qu'uops vos est il* (264). В данном случае препозиция или постпозиция определяет форму имени существительного, но организация его синтагмы без *Z, D* (имеется в виду препозиция) объясняется лишь на основании общих целей коммуникации, которая осознавала противопоставление установки без *Z, D/c Z, D* как семантическую действительность.

Чисто грамматическая точка зрения не дает достаточно обоснованного объяснения для *granz fu li dols, fort marrimenz* (*Passion* 121), где в первой части структура номинальной фразы оказывается полностью осуществленной, а во второй части неполностью; *fort*, выполняющий функцию именной части сказуемого, имеет форму *cas régime*, *marrimenz* — форму *cas sujet*, его постпозиция обусловлена скорее всей структурой данной строки, чем соображениями лишь поэтической техники. Однако установка *marrimenz* без *Z, D*, имея при этом в виду, что *dols* имеет детерминатив, может быть объяснена лишь

тем, что первая часть высказывания *granz fu li dols* предполагает общую часть информации, а вторая часть *fort marrimenz* преподносится слушателю как дополнение, как новый, неизвестный элемент.

Ни грамматическая точка зрения, ни соображения поэтической техники вовсе не объясняют установки без *Z, D* в *a or fin sunt les tables e chaires et li banc* (*Pèlerinage* 343); *dame veistes unkes hume nul de desuz ceil tant ben seist esree ne la corone el chef* (*Pèlerinage* 9–10). Все элементы исчисления в функции субъекта находятся в постпозиции, однако, их установка организуется по-разному. В поэме рассказывается, что у короля Гугона много вещей из золота, в том числе столы, кресла и скамейки. Существование стола отмечается на пять строчек выше, но нигде не говорится ни о креслах, ни о скамейках. Следовательно, если у рассказчика было основание полагать, что понятие стола для слушателя уже не ново, то этого нельзя сказать о понятиях кресла и скамейки. Однако скамейки передаются как известные, т. е. в том же духе как и столы, а кресла вплетаются в грамматическую структуру предложения на других основаниях, которые не могут быть вызваны ни соображениями грамматической, ни поэтической формы, так как унификация установки субъектных синтагм Э. Кошвицем не меняет числа слогов в строке (ср. *a or fin sont les tables, les chaires, li banc*; 343). В другом примере (9–10) речь идет о шпаге и о короле, которые определяются как принадлежащие Карлу Великому (строки 2 и 3), а в строке 10 в постпозиции и в своего рода исчислении обе синтагмы конструируются уже по-разному. За *corone* следует определение *el chef*, поэтому вся синтагма преподносится как нечто известное, ведь корона на голове короля, действительно, не представляет собой ничего удивительного. По существу никакого удивления не может вызывать и шпага у средневекового рыцаря, но в строке 10 автор поэмы явно преподносит слушателю одним образом понятие короны, другим понятие шпаги, что отражается в грамматической установке обеих синтагм с *Z, D* и без *Z, D*. Добавление к *esree* либо артикля, либо притяжательного местоимения вызвало бы элизию и ничем бы не отражалось на поэтической форме самого стиха. Разница в организации с *Z, D* и без *Z, D* самых постпозитивных синтагм вызвана, очевидно, по двум причинам: как результат сознательного осмысления и оценки такой разницы или, наоборот, как результат недостаточно четкого осознания дифференциации с *Z, D* и без *Z, D* в момент создания этой строки. Можно полагать, что сознательный акт в выборе установки с *Z, D* или без *Z, D* должен был иметь место там, где та или другая установка отражается на поэтической технике, и наоборот, там, где установка имени существенного не имела никакого отношения к технике стихосложения, выбор между с *Z, D* или без *Z, D* мог иметь свою основу в недостаточной дифферен-

зации самой мысли, что неизбежно должно было найти отражение в грамматической форме номинальной синтагмы.

Двучленные синтагм имеются в постпозиции лишь три (*Passion 2, Alexis 1; t. 1*). Две из них по *l sab om vivs (Passion 332); no lor pod om vivs contrastar (Passion 483)* могут быть отнесены к тому же типу, как и *hom*, т. е. имя существительное само по себе, благодаря прилагательному *vivs*, сохраняет гораздо больше субстанциальной природы, чем просто *hom* в постпозиции, но тем не менее нужно отметить, что в обоих случаях *om vivs* конструируется с отрицанием, и это означает, что *om vivs* выполняет функцию отрицательного неопределенного местоимения „никто“. Что касается третьей двучленной синтагмы (группа II) *par mi les rues an vienent si granz turbes (Alexis 514)*, то можно определить со всей очевидностью, что ее постпозиция вызвана потребностью сохранить ассонанс на *e*, а ее установка без *Z, D*, возможно, присутствием наречия *si*, который сам по себе создает довольно четкие грамматические контуры для всей синтагмы.

Постпозиция субъектных синтагм III группы (их всего 9; коэффициент, указывающий на соотношение с I и II группой равен: *Passion 0,15, Alexis 0,18, Pèlerinage 0,5; t. 1*) объясняется разными факторами; частично требованием соблюдать ассонанс, а главным, по всей вероятности, была сама структура передаваемой информации, так, наличие в начале предложения субститутом выраженного объекта, как главного момента в самом сообщении, отбрасывает субъект в постпозицию *tant en prengent Franceis cum en vuldrent porter (Pèlerinage 223, ср. также 315, 840); no l consentunt fellun Juden (Passion 222, ср. также 419);* или же в интранслятивных конструкциях другой момент, чем субъект, может составлять центр сообщения *dunc an eisit danz Alexis a certes (Alexis 83), entre les povres se sist danz Alexis (Alexis 97);* также причиной постпозиции субъекта может оказаться чисто грамматический фактор *si sunt muntez Franceis qi a joie sen vunt (Pèlerinage 851)*, где antecedent и относительное предложение образуют тесный контакт, а также *di va qe funt Franceis e Karles od le fer vis (Pèlerinage 623)*, где мы имеем дело с вопросительным предложением. Грамматическая установка этих синтагм без *Z, D* в постпозиции, как и в препозиции, объясняется их особой сжатостью, их формулообразным характером, который выделяет эти синтагмы среди других четкостью их формы и который всегда одинаково осознается в семантической действительности.

Можно также отметить, что соотношение транслятивных и интранслятивных конструкций в постпозиции оказывается таким же и в препозиции, т. е. наблюдается определенный перевес интранслятивных конструкций (т. I).

Итак, анализ номинальных синтагм без Z, D в постпозиции, выполняющих функцию субъекта, позволяет установить следующие моменты. В первую очередь нужно еще раз подчеркнуть, что с количественной точки зрения постпозиция субъектных синтагм без Z, D на фоне всех синтагм в этой же роли оказывается весьма ничтожной, между тем как синтагмы с Z, D в той же роли занимают преобладающее место в постпозиции (ср. т. III). Затем требуется подчеркнуть особое место, занимаемое формой *hom* в постпозиции. Как в отрицательных, так и в утвердительных предложениях (из 9 случаев 3 являются утвердительными, а 6 отрицательными) имя существительное *hom* десубстантивируется и переходит в разряд субститутов существительного. В препозиции имеются два случая употребления *hom*, но оба они свидетельствуют о четко выраженном процессе десубстантивации: Причем оба случая *hom* в препозиции находятся в отрицательных предложениях, отсюда следует вывод, что любые изменения в языковой структуре требуют особых моментов в грамматической форме, которая либо создает благоприятные условия для нового функционирования (имеется в виду отрицание, постпозиция, наличие наречий типа *si*, укрепляющих грамматические контуры синтагмы), либо укрепляет форму синтагмы в старом функционировании, но в ситуации, которая становится несвойственной для нее, которая ей постепенно отчуждается (имеется в виду особенно форма артикля или другой детерминатив при субъекте в постпозиции). Так, в случае с *hom* имеется всего 9 синтагм, среди которых 5 имеют двойную грамматическую форму: отрицание и постпозицию, а 4 лишь одну: либо отрицание, либо постпозицию. Таким образом, из 22 постпозитивных синтагм в роли субъекта 9 десубстантивируются и, следовательно, не нуждаются в установке с детерминативами.

Установка без Z, D остальных 13 синтагм в постпозиции не может быть объяснена лишь на основании грамматических факторов. Так, в потоке описания и исчисления, например, *Passion* 322—4, *Alexis* 2—3, где все синтагмы употреблены без Z, D, одни из них находятся в препозиции, другие в постпозиции. Их постпозитивное положение, вполне вероятно, может быть обосновано требованиями поэтической техники, но не их установка без детерминативов. Ситуационное положение субъектных синтагм очевидно подчиняется функции исчисления, в основе которой лежит не сугубо грамматическое функционирование, т. е. выполнение роли какого-нибудь связывающего звена в структуре предложения, а нюансированное изложение потока информации на основе семантики.

Сображения порядка чисто поэтической техники имеют силу лишь в том случае, когда они соответствуют общей структуре языка, так как они ей целиком подчинены. Они хорошо объясняют постпозицию, например, *Alexis*

362, *Passion* 121, но не объясняют установки без Z, D. Это объяснение должно найти свое обоснование на более обобщенном уровне сегментации потока информации, а не на одном лишь уровне грамматической организации структурных элементов языка.

Сильный смысловый акцент в начале предложения, выраженный глагольным отрицанием, поглощает субъект существительное, которое становится лишь лексическим инструментом, уточняющим смысловую сторону отрицания (*Alexis*: n'i vint amferm, 556; *per* est merveile, 465). Понятно, что в этих случаях слова *amferm* и *merveile* берутся в самом общем и наименее конкретном виде, а организацию грамматической формы берет на себя отрицательный глагол, имеющий к тому еще и безличный характер. Большой вес грамматической формы следует признать в синтагмах с наречиями типа *si grant turbes* (*Alexis* 514), где препозитивное или постпозитивное положение не играет никакой роли, но где наличие *si* формально исключает детерминативы, хотя само наличие *si* определяется не нуждами грамматической формы, а семантикой.

Одна лишь грамматическая точка зрения или соображения поэтической техники вовсе не могут объяснить тех случаев, где в исчислении и в одинаковой синтаксической позиции одни синтагмы конструируются с Z, D, другие без Z, D (например, *Pèlerinage* 10,343). Такое положение вещей возможно лишь в том случае, когда система языка признает обе конструкции возможными, так как они имеют свое обоснование в семантической действительности. Та или иная реализация может зависеть либо от сознательных усилий говорящего лица, либо от недостаточной дифференциации самой мысли, но сама грамматическая установка именной синтагмы в роли субъекта имеет свое обоснование в семантической структуре языка.

Синтаксическое положение препозиции или постпозиции по отношению к глаголу, как это показано выше, не имеет прямого влияния на установку именной синтагмы без Z, D в функции субъекта. Такое влияние определяется лишь косвенно, т. е. довольно четко выраженной тенденцией либо перейти в разряд структурно грамматических элементов (имеется в виду *hom*), либо перейти в препозицию. Более четким образом можно определить влияние грамматикализации на синтагмы типа *si grant turbes*, которые следует считать грамматически детерминированными, и поэтому тип **les si grant turbes* отсутствует в старофранцузском языке. Формулообразные синтагмы типа *danz Alexis* или названия народностей, благодаря их замкнутости и лапидарности, также следует считать в достаточной мере детерминированными с грамматической точки зрения и поэтому в любых условиях не нуждающимися в детерминативах. К этому же типу следует, по-видимому, отнести сравне-

ния и восклицания (ср. т. I), вводимые союзом *cum*, например, *la vint curante cum femme forsenede* (Alexis 423); *qe nen cheent les mailles ensemment cume festuz* (Pèlerinage 537). Не менее замкнутую форму имеют и те случаи сравняющего восклицания, в которых сохраняется значительная доля предикативности, например, *veez cum gentes cumpaines de pelerins errand* (Pèlerinage 95); *veez cum grant bealtet* (Pèlerinage 448); *cum dolerus mesage* (Alexis 388). Во всех этих случаях номинальная синтагма остается в сфере функционирования субъекта и имеет до такой степени замкнутую и четко определенную форму, что не нуждается в каких-нибудь грамматических детерминативах.

Отрицание или утверждение само по себе не меняет структуры предложения в целом, но, как видно из нижеследующей таблицы, некоторые моменты обращают на себя внимание. Особенно поразительным является тот факт, что довольно многочисленные синтагмы III группы находятся лишь в утвердительных предложениях, следовательно, их грамматическая самостоятельность столь велика, что они не подчиняются грамматикализации, а лишь непосредственно самой коммуникации. Поэтому в старофранцузском языке они не нуждаются в грамматических детерминативах. Затем нужно отметить, что вообще преобладают утвердительные конструкции, а отрицательные конструкции преобладают, хотя и не очень значительно, в постпозиции. Это означает, что постпозиция требовала той или иной грамматикализации особенно для субъектных синтагм, так как постпозитивное положение субъекта не могло довольствоваться элементарной грамматической формой и нуждалось в более четких контурах. Но в итоге само отрицание находило свое обоснование в смысловых нюансах передаваемого сообщения. (Ниже приводимая таблица воспроизводит числовое распределение субъектных синтагм в утвердительных и отрицательных предложениях.)

Passion		Alexis				Pèlerinage	
Утверждение	Отрицание	Утверждение	Отрицание		Утверждение	Отрицание	
			Препозиция	Постпозиция		Препозиция	Постпозиция
I, II, 26 III 10	6	I, II 13 III 14	15		I, II 7 III 19	3	
	—		—			—	
	2		4	12		3	1

По степени своей автономности номинальные синтагмы занимают неодинаковое место в предложении. Объектные синтагмы, исходя из этой точки зрения оказываются ступенью ниже, чем субъектные синтагмы, которые находятся на вершине сферы самостоятельного функционирования. Эта самостоятельность возникает в первую очередь на семантическом уровне⁴, так как на грамматическом субъект не мыслим без глагольного элемента, следовательно, его автономность в предложении, имея в виду грамматическую форму последнего, не является в такой же мере независимой, как в сфере семантики. Самостоятельность же глагольного объекта является в значительной мере меньшей как на семантическом, так и на грамматическом уровне, так как он целиком входит в сферу глагола, уточняя самый процесс путем установления границ для глагольного действия с точки зрения семантики, и являясь составной частью глагольной синтагмы с точки зрения грамматики.

Становление грамматической формы старофранцузского предложения проявляется главным образом во фиксации следования основных членов предложения субъекта и объекта. Если по отношению к субъекту глубинные тенденции старофранцузского синтаксиса проявляются в закреплении за ним постоянного места в препозиции перед глаголом, то по отношению к объекту те же самые тенденции проявляются в закреплении за ним постоянного места в постпозиции. Общий взгляд на синтаксическую ситуацию субъекта и объекта в изучаемых нами памятниках показывает, что в *Passion* можно наблюдать кульминационный пункт в проявлении тенденций, противоположных всему развитию старофранцузского синтаксиса, так, коэффициент субъекта, представляющий совокупность всех синтагм в этой функции, составляет в препозиции 0,57 против 0,43 в постпозиции, а такой же коэффициент объекта составляет в препозиции 0,58 против 0,42 в постпозиции (т. III). Противоположность в общем развитии синтаксиса наблюдается также и в *Alexis*, но лишь частично, т. е. лишь в сфере субъекта: коэффициент в препозиции 0,38 против 0,62 в постпозиции; частичная противоположность наблюдается и в *Pèlerinage*: коэффициент в препозиции 0,52 против 0,48 в постпозиции (т. III). Таким образом видно, что количественное распределение именных синтагм в функции субъекта не всегда представляет те подлинные тенденции языка, которые затем берут верх и становятся бесспорно доминирующими.

В сфере субъекта изучаемых нами памятников структурные сдвиги намечаются не в самом функционировании, а в организации субъектного функ-

⁴ L. Tesnière, *Eléments de syntaxe structurale*, Paris, стр. 108.

ционирования. Именные синтагмы в старофранцузском языке распадаются на две группы без Z, D и с Z, D. В функции субъекта синтагмы с Z, D распределяются почти поровну в препозиции и в постпозиции в *Passion* 0,31 против 0,35 и с более значительным перевесом в постпозиции в *Alexis* 0,28 против 0,5 и в *Pèlerinage* 0,42 против 0,5 (т. III). С точки зрения грамматической формы перевес в постпозиции объясняется наличием детерминативов, укрепляющих формальные контуры именной синтагмы. Синтагмы без Z, D в функции субъекта распределяются в постпозиции и в препозиции совершенно иначе. Здесь самым четким образом предпочитается препозиция, а постпозиция идет на убыль, так, коэффициент препозиции в *Passion* без Z, D 0,26 против 0,07 в постпозиции, в *Alexis* 0,15 против 0,06, в *Pèlerinage* 0,05 против 0,02 (т. III). Интересно отметить, что структура синтагм без Z, D, уступающая свое место новой структуре с Z, D, главным образом исчезает в постпозиции, а новая, восходящая структура, перед тем как занять постоянное место в препозиции, берет верх также в постпозиции. Все это тем не менее означает, что грамматическая характеристика субъектной функции перемещается в препозицию по отношению к глаголу.

Тот факт, что синтаксис *Passion* представляет противоположный момент в общем развитии старофранцузского синтаксиса, подтверждается количественными данными распределения объектных синтагм. Таблица III четко воспроизводит преобладание препозиции для объекта, однако общая картина двух других памятников *Alexis* и *Pèlerinage* указывает на преобладание постпозиции, так, коэффициент в обоих памятниках составляет 0,3 в препозиции против 0,7 в постпозиции (т. III). Если именные синтагмы с Z, D *Passion* в функции объекта распределяются почти поровну в препозиции и в постпозиции 0,27 против 0,23, то без Z, D указывают на некоторое преобладание препозиции над постпозицией 0,3 против 0,18 (т. III), что соответствует общему положению объектных синтагм в *Passion*. В двух других памятниках, как для синтагм с Z, D, так и для синтагм без Z, D, нужно отметить четкое преобладание постпозиции над препозицией, так, в *Alexis* коэффициент препозиции для синтагм с Z, D составляет 0,23 против 0,4 в постпозиции, а в *Pèlerinage* 0,2 против 0,47; для синтагм без Z, D коэффициент препозиции в *Alexis* составляет 0,07 против 0,3 в постпозиции, в *Pèlerinage* 0,07 против 0,25, что соответствует общему развитию именного объекта в старофранцузском синтаксисе (т. III), говорящему о всеобщем его перемещении в постпозицию. Таким образом, из вышеприведенного анализа следует, что подлинные тенденции в развитии старофранцузского предложения посредством препозитивного или постпозитивного положения субъектных синтагм по отношению к глаголу прямым образом не отра-

жаются, они отражаются в сфере субъекта лишь косвенно, т. е. при анализе поведения двух противоположных типов в структуре именных синтагм без Z, D /с Z, D. В сфере объекта подлинные тенденции развития формы предложения отражаются прямым образом. Организационный момент структуры именной синтагмы без Z, D или с Z, D имеет меньшее значение для объекта, чем для субъекта, так как объект с точки зрения грамматической формы имеет гораздо меньшую самостоятельность, чем субъект. Итак, различная семантическая действительность субъекта и объекта, проявляющаяся в различной степени самостоятельного функционирования, находит свое отражение также и на уровне организации именных синтагм в функции субъекта и объекта.

В объекте с Z, D, не учитывая синтагм без Z, D, как это видно по данным т. IV, разница в препозиции и в постпозиции отражается весьма незначительно в *Passion* 0,54 против 0,46, а затем она возрастает до более значительной степени: в *Alexis* 0,37 против 0,63, а в *Pèlerinage* 0,3 против 0,7 (т. IV). Это указывает на то, что препозитивные синтагмы объекта, несмотря на детерминативы, укрепляющие их грамматическую форму, постепенно перемещаются в постпозицию.

Интересно отметить, что в функции объекта синтагмы без Z, D постепенно уступают свое место синтагмам с Z, D, хотя это последнее движение выражено не так уже сильно акцентированным образом, так, в *Passion* коэффициент без Z, D составляет 0,48 против 0,52 с Z, D, в *Alexis* 0,36 против 0,64, в *Pèlerinage* 0,33 против 0,66 (т. IV). То же самое движение в развитии субъектных синтагм выражено в значительной мере сильнее (ср. данные т. II), чем в развитии объектных, так как здесь вступает в действие фактор различной самостоятельности функционирования субъектных и объектных синтагм.

Среди детерминативов в синтагме объекта артикль занимает примерно то же самое место, как и местоименные детерминативы, так, в *Passion* коэффициент Z составляет 0,46 против 0,54, в *Alexis* Z 0,51 против 0,49 D, в *Pèlerinage* Z 0,6 против 0,4 D (т. IV). Соотношение элементов Z и D в синтагме субъекта представляет совершенно иную картину (ср. т. II), где самым четким образом преобладает форма артикля. Это объясняется той огромной разницей в степени самостоятельности и независимости, которая существует между синтагмами субъекта и объекта и которая отражается в их грамматической установке. Семантическая несамостоятельность объекта выражается употреблением при нем довольно значительного количества местоименных детерминативов, которые указывают на ту или другую конкретную ситуацию, между тем как субъект, будучи гораздо более независимым, чем объект, в местоименных детерминативах нуждается гораздо мень-

ше и его грамматическая детерминация достигается при помощи обобщенной формы детерминатива — артикля.

В синтагме объекта тройное противопоставление без *Z, D* /с *Z*/ с *D* распределяется почти одинаково, так, в *Passion* коэффициент без *Z, D* составляет 0,48 против 0,23 с *Z* и против 0,27 с *D* в *Alexis* без *Z, D* 0,36 /с *Z* 0,31/ с *D* 0,33, в *Pèlerinage* без *Z, D* 0,33 /с *Z* 0,38/ с *D* 0,3 (т. IV). Нужно также отметить, что коэффициент без *Z, D* в синтагме объекта уменьшается довольно незначительно к концу XI века (от 0,48 до 0,33), между тем как тот же коэффициент в синтагме субъекта уменьшается стремительно (от 0,34 до 0,08; ср. данные тт. II, IV). Этот факт свидетельствует о том, что семантическая самостоятельность синтагмы субъекта проявилась в требовании более четкого грамматического оформления.

Анализ данных объекта без *Z, D* показывает, что в *Passion* коэффициент без *Z, D* является доминирующим 0,62, затем он резко падает вниз: *Alexis* 0,2, *Pèlerinage* 0,24 (т. IV). Понижение коэффициента совпадает с течением времени от второй половины X до конца XI века. Такая же закономерность в препозиции наблюдается и для объекта с *Z, D*. Тот факт, что *Passion* закономерно проявляет тенденции, противоположные общему развитию синтаксиса, свидетельствует не только лишь о том, что эти тенденции весьма четко проявлялись в *Passion*, но, нужно полагать, еще и о том, что *Passion* является крайним выражением самых общих тенденций в старофранцузском языке, которые стремились в общих чертах к фиксации постоянного места за субъектом и объектом. Это общее стремление получило воплощение в противоположном результате, который нашел свое отражение в *Passion*, а именно за субъектом закреплялось преобладающее положение в постпозиции по отношению к глаголу, а за объектом положение в препозиции.

В *Passion* имеется 32 одночленные синтагмы (т. IV) в препозиции, из которых 21 находится в конструкции *OV*, т. е. без эксплицитно выраженного субъекта, 2 синтагмы находятся в конструкции *Sp OV*, т. е. с субъектом субститутом, и 9 синтагм в конструкции *Sp OV*, т. е. с субъектом именем существительным (т. V). В остальных двух памятниках количество синтагм в препозиции резко уменьшается, так, в *Alexis* имеется лишь 7 одночленных синтагм объекта, которые все составляют структуру *OV*, в *Pèlerinage* их имеется 13, из которых 9 составляют конструкцию *OV*, а 4 конструкцию *Sp OV* (т. V).

Преобладающей конструкцией во всех отношениях является *OV*. В ней самым четким образом выделяются синтагмы объекта, выполняющие функцию исчисления, например, *Palis, vestit, palis, mantels davant extendent a ssos pez* (*Passion* 41—44); *argent ne aur non i donet* (*Passion* 385);

mel e peisons equi manget (Passion 441—2); в данных примерах не осуществляется тесный контакт между объектом и глаголом, но в другом варианте исчислительной функции такой контакт наблюдается между объектом и инфинитивом, например, *tei cuvenist helme e brunie a portez, espede ceindre* (Alexis 411—12); *la verrez brans crussir e espees brisier* (Pèlerinage 547); *la verrez barbes traire e gernuns si pelez* (Pèlerinage 588). Функция исчисления имеет не только определенную семантическую задачу, но вместе с тем и определенную грамматическую форму, которая выражается в первую очередь в том, что единица исчисления может существовать лишь вместе с другими такими же единицами, а это сразу создает для нее особое положение в предложении. Это положение наблюдается на всем протяжении развития французского языка и выражается возможностью употребить именные синтагмы без детерминативов.

Другим моментом в конструкции OV является употребление именной синтагмы без Z, D в функции объекта непосредственно в контакте с глаголом, например, *trenta tres ant et alques plus des que carn pres, in terra fu* (Passion 5—6); *vida perdonent al ladrun* (Passion 223); *semper pensend vertuz feisis* (Passion 212); *signes fazen per podestad* (Passion 484); *se mençonge avez dite a fiance estes morte* (Pèlerinage 52); *que part aiam ab nos deu fidels* (Passion 504); *unt entre baiser nuveles demander* (Pèlerinage 147); *il les feit revestir e capes afublez* (Pèlerinage 143). Как видно из примеров, непосредственный контакт в препозиции устанавливается с глаголами типа *prendre*, *pardonner*, *faire*, *dire*, *avoïr* и с инфинитивами, т. е. с глаголами, особенно нуждающимися в семантической полноте, которая может осуществиться лишь при наличии объекта.

В препозиции контакт между объектом и глаголом может не осуществляться, например, *nos te preiam... gardes i met* (Passion 360); *amfant nus done* (Alexis 25), где нарушение контакта создается благодаря повелительному наклонению и безударному местоимению. Нарушение контакта может создаться просто благодаря наличию безударных местоименных частиц *se* *pume* *men* *exarpet* (Pèlerinage 503); *depreient deu que conseil lur an duinst* (Alexis 309); или благодаря наличию отрицания *ne* *jamais* *hume* *n'avrai* *an tute terre* (Alexis 493), где *hume* благодаря отрицанию десубстантивируется и переходит в разряд неопределенных местоимений. Контакт может быть нарушенным или сохраниться в безличных предложениях *dux i out* (Pèlerinage 4), *posat que io ni fui* (Pèlerinage 218).

Наличие эксплицитно субститутом выраженного субъекта весьма часто подчеркивает функцию объекта, выполняемую именной синтагмой, например, *chi... vide perdones al ladrun* (Passion 304), *il... sort an gitad* (Passion

270), cil corn sunent (Pèlerinage 34), jo m'escundirai ja... a jurer serement u juise a porter (Pèlerinage 34–35). Таким образом, в конструкции Sp OV присутствие местоимением выраженного субъекта устраняет в принципе возможную неясность в определении субъектной или объектной функции для именной синтагмы в препозиции. Возможность такой неясности еще более четко устраняется в конструкции Sn'OV, где субъект также выражен именной синтагмой. Нужно отметить, что в трех изучаемых нами памятниках конструкция Sn OV наличествует лишь в Passion, из 9-ти примеров в 6-ти субъектом оказывается имя нарицательное, форма которого не оставляет никакого сомнения о его роли, например, *Jesus li bons mot no l soned* (Passion 214), *Jesus li bons ben red per mal* (Passion 161), *Judas li vel ensenna fei* (Passion 143); контакт между субъектом, объектом и глаголом оказывается весьма тесным, так как во всех случаях следование Sn+O+V не нарушается никакими другими элементами; контакт отсутствует лишь в одном случае *Jesus li bons... al tradetur baisair donat* (Passion 148), что вызвано, по-видимому, тем обстоятельством, что в данном примере *doned* является вторым глаголом для субъекта и образует как бы отдельное предложение. Остальные предложения, где субъектом являются именные синтагмы, сохраняют самое тесное следование *lo satanas dol en a grand* (Passion 489), *la sua morz vida nos rend* (Passion 11) и *signes faran li soi fidel* (Passion 477), который является единственным примером следования VS; теснота следования, кроме одного случая, сохраняется в *ensobre tot petiz enfan osanna semper van elamant* (Passion 45–48), где объект *osanna* лишь вторично отнесен к субъекту, так как первичный каркас предложения состоит из SV, и где V представлен интранслативом, не нуждающимся в объектном дополнении. Нужно отметить, что в конструкции Sn OV все синтагмы в роли субъекта оказываются с детерминативами (кроме *petiz enfan*, но этой группе предшествует наречие *ensobre tot*, что делает ее в определенной степени детерминированной с грамматической точки зрения). Это объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что форма всего предложения имеет определенную грамматическую информацию, нагрузка которой распределяется основными членами предложения. Для данного анализа нами были выбраны именные синтагмы без Z, D в функции объекта, следовательно, их грамматическая характеристика оказывается в значительной степени зависимой от глагола. Сам глагол, в свою очередь, охарактеризован другой именной синтагмой в роли субъекта, поэтому эта последняя, чтобы отстоять свою автономность, нуждается в особенно четкой грамматической форме.

Выше произведенный анализ одночленных синтагм позволяет закономерно спрашивать, каким же образом именная синтагма в препозиции понимается как глагольный объект. В первую очередь нужно отметить, что из 54 синтагм морфологическая форма лишь в одном случае не соответствует старофранцузскому стандарту *vestit* (*Passion* 44) в функции *cas régime* мн. ч., но данная синтагма, во-первых, находится в окружении других синтагм в функции исчисления, так что ее подлинная роль не вызывает сомнения, а во-вторых, форма *vestit* полностью соответствует *cas régime* ед. ч.; так что в обоих случаях соответствует стандарту, свойственному для функции объекта. Итак, на уровне морфологии наблюдается полное соответствие именных одночленных синтагм требуемому стандарту.

На уровне синтаксиса дело обстоит иначе. Положение препозиции нами определяется как несвойственное для глагольного объекта. Каким же образом тогда не нарушается функциональная коммуникация и подлинная роль синтагмы осознается правильно? Во-первых, нужно подчеркнуть, что конструкции *Sn OV* и *Sp OV* создают определенные рамки на уровне синтаксиса, в которых семантическая и грамматическая связь, существующая между *S* и *V*, исключает для *O* любую возможность другого функционирования, даже если *O* находится в препозиции. Ведь *manger* транслатив (*manger une pomme*) и *manger* интранслатив (*manger* абсолютно) представляют две разные семантические действительности, грамматическое выражение которых также является различным, это две разные лексемы. Следовательно, если семантическая и функциональная связь между *S* и *V* указывает на интранслативный характер *V*, то исключается функциональная возможность для *O*, и наоборот, если семантическая и функциональная связь между *S* и *V* указывает на транслативный характер *V*, то открываются все возможности для функционирования *O*, и любая именная синтагма, если только она относится к центру предложения, а не к его периферии, может выполнять функцию объекта.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда эксплицитно выраженный субъект отсутствует в предложении, но во всех предложениях с глаголами он наличествует имплицитно в личной форме глагола. Если глагол своей формой представляет первое или второе лицо или же глагол представлен инфинитивом, любая возможность ошибочного толкования со стороны слушающего исключается, но она остается вполне реальной, если действующее лицо оказывается третьим. Из 40 примеров *OV* такая возможность в принципе могла бы существовать лишь в 16 случаях, из которых сразу же исключаются конструкции, где морфологическое число именной синтагмы не соответствует морфологическому числу глагольной синтагмы, например, *vidā*

pardonent al ladrun (Passion 223), et sanitat a toz rendran (Passion 464), sas i fait pendre (Alexis 144); исключаются также предложения *mel e peisons equi manget* (Passion 441), *argent ne aur non i donet* (Passion 385), et *diabls encalceran* (Passion 460), где вступает в силу двухпадежное склонение в системе старофранцузского имени; функция исчисления и морфологическая форма определяет роль именных синтагм, даже находящихся вне морфологического стандарта, в *palis, vestit, palis, mantens davant extendent a ssoz pez* (Passion 43–44). Если морфологическая форма недостаточно четко или не в соответствии с морфологическим стандартом, что в действительности имело место в старофранцузском, определяет функцию именной синтагмы, то на уровне грамматики корректирующим моментом могут выступать местоименные элементы, например, *que conseil lur an duinst* (Alexis 309), *se pume men escapet* (Pèlerinage 503), где *lur* и *an* или *men* подчеркнуто указывают, что *pume* и *conseil* функционально могут быть лишь объектами; этим же оправдывается возникшее нарушение тесного контакта между объектом и его глаголом.

Кроме склоняемых имен существительных в системе старофранцузского имени была значительная группа несклоняемых, в число которых входили все имена существительные женского рода. В таком случае морфологическая форма субъекта и объекта оказываются полностью тождественными, препозиция создает еще один дополнительный признак, типичный для субъекта, а не для объекта. Так, *sobrae malabdes mans metran* (Passion 463), где, во-первых, *mans*, хотя женского рода, часто склонялось как существительное мужского рода, во-вторых, даже если форма *mans* могла быть воспринята как *cas sujet* мн. ч., в данном предложении синтаксическая функция субъекта для нее исключается, так как *mettre* является сугубо транзитивным глаголом, подлинный субъект которого может быть выведен лишь из весьма отдаленного контекста, между тем как дальнейшее обстоятельство действия *sur les malades* самым недвусмысленным образом указывает, что функция существительного *les mains* может быть лишь объектной. Если допустить, что в предложении *trenta tres ant et alques plus, des que carn pres, in terra fu* (Passion 5–6) слово *carn* выполняет функцию субъекта, то нужно признать, что *prendre* теряет семантические и грамматические контуры и что его смысл становится расплывчатым. Такая же структурная и семантическая неполнота обнаружилась бы и в *signes fazen per podestad* (Passion 484), *venent en Ierico palmes i prenent aset* (Pèlerinage 2–42), если допустить, что *signes* и *palmes* выполняют функцию субъекта. Очевидно, в вышеприведенных примерах *faire* и *prendre* воспринимались старофранцузами недву-

смысленно как лексемы *faire, prendre* транслатив, а не как лексемы *faire, prendre* интранслатив.

Таким образом, мы видим, что лингвистические элементы создают четкие структуры, в которых определенным образом сформированные окружения определяют синтагмы в той или иной функции. По мере того как грамматические элементы, благодаря структурным сдвигам в морфологии и в синтаксисе, начинают не в достаточно четкой мере обеспечивать недвусмысленное функционирование основных синтагм в сообщении, а порою и вовсе перестают служить формальным основанием для такого функционирования, вступают в действие семантические факторы, которые служат окончательным критерием в процессе установления, что функционирует как субъект действия и что как объект того же самого действия. Становление грамматической формы именных синтагм наглядно показывает, что семантический фактор является решающим для окончательного приведения в порядок элементов сообщения. На определенном уровне грамматическая форма может оказаться до такой степени четкой, что она может быть воспринята носителями языка просто как готовый слепок, в который нужно лишь влить вначале еще аморфную мысль. Весь исторический синтаксис французского языка свидетельствует о непрестанном стремлении создать максимально четкую форму, в которую могло бы облечься любое сообщение. В тех моментах, когда четкость грамматической формы оказывалась не в состоянии обеспечить ясную дифференциацию в функционировании основных лингвистических сегментов потока информации, окончательно решающим фактором оказывался смысл отдельного сегмента, по которому определялась его роль в речевой цели.

Итак, анализ факторов, которые дают окончательное осмысление функциональным элементам языка, показывает, что решающими являются семантические факторы. В таком случае возникает закономерный вопрос, какие факторы определяют структуру самой синтагмы, в частности, номинальной, каким образом организуется ее грамматическая установка. Как нами уже показано, на уровне грамматической формы функционирование синтагм определяется организационными требованиями структуры языка. Воздействие таких требований на внутреннюю организацию именных синтагм оказывается довольно сильным, достаточно сравнить, например, данные т. III, где коэффициент объекта без *Z, D* в препозиции, т. е. в несвойственном ему положении, является весьма незначительным, между тем как коэффициент с *Z, D* в препозиции оказывается значительно выше, так как элементы *Z* и *D* нужны для укрепления установки именной синтагмы, чтобы она могла функционировать в ей несвойственной ситуации. Аналогичное положение

можно констатировать в сфере субъекта, где, по данным т. III, коэффициент без Z, D в постпозиции, т. е. в несвойственном положении для субъекта, является весьма незначительным, между тем как тот же коэффициент с Z, D в постпозиции оказывается весьма значительным. Следовательно, несмотря даже на значительную семантическую автономность субъекта, факт его функционирования в несвойственном ему положении требует очень веской опоры со стороны грамматической формы. В этом состоит главная организаторская роль структурных элементов языка в образовании грамматической установки для именных синтагм.

Функциональные особенности объекта без Z, D (на основании анализа одночленных синтагм) могут быть сведены к следующим моментам. Во-первых, функциональные особенности исчисления, как в старофранцузском, так и в новофранцузском языке, создают достаточно определенную грамматическую установку, чтобы синтагма могла функционировать без детерминативов либо как субъект, либо как объект. Во-вторых, эксплицитно выраженный субъект и, что еще более важно, тесный контакт между S. O и V способствуют образованию установки без Z, D, но не являются решающими, так как такая же установка наблюдается и в конструкциях, где эксплицитный субъект отсутствует. В-третьих, контакт может способствовать образованию установки без Z, D, но он должен быть тесным в очень большой степени; особенно тесная связь наблюдается в старофранцузском между инфинитивом и его объектом, но степень тесного контакта может возрасти в соприкосновении с личной формой глагола, так как личная форма в речевом потоке предполагает другую семантическую реальность как инфинитив в таком же потоке. Об этом свидетельствуют данные современного французского языка, где обилуют словосочетания типа *prendre part, faire peur, avoir pitie* и т. д., реализация которых в личной форме осуществляется с именем существительным без Z, D. На современном этапе такая установка имени означает полную его субординацию глаголу, как со стороны грамматической формы, так и со стороны семантики. В старофранцузском же языке у имени была возможность функционировать без Z, D, не теряя основных грамматических признаков именной установки, но в препозиции такое функционирование было ограничено определенным кругом глаголов, так, *carn prendre, vertuz faire, signes faire, mensonge dire, nouvelles demander, amfant donner, gardes mettre, conseil donner, vida perdoner, sort geter, ben rendre per mal, moř soner, dol avoir*. Все эти глаголы являются глубоко транслятивными, поэтому их связь с именами объектами оказывается особенно тесной вплоть до образования новой лексемы в виде фразеологического словосочетания. Формирование фразеоло-

гического или простого словосочетания основывается на семантическом сегментировании нас окружающей действительности. По всей вероятности, имя существительное, образующее в будущем вместе с глаголом новую лексему, берется не в индивидуализированном или каким-нибудь другим образом определенном, но в самом общем виде, что полностью соответствовало установке именной синтагмы без *Z, D*, которая существовала в виде противопоставления установке с *Z, D* в системе старофранцузского языка. Если в современном языке потеря элементов *Z, D* означает для имени существительного определенную его десубстантивацию, это вовсе не имело место в старофранцузском, так как там одна и та же лексема могла реализоваться в речевом потоке двумя вариантам — с *Z, D* и без *Z, D*. После того как произошли определенные сдвиги в системе языка, десубстантивированное существительное образовало фразеологическое словосочетание, а существительное, сохранившее полную грамматическую установку, стало входить в свободные словосочетания.

У артикля в старофранцузском языке была определенная роль, которая проявлялась не только лишь в ряду противопоставления без *Z, D* / с *Z, D*. Артикль был единственным элементом, способным создать именную установку не для существительных. Это свидетельствует о том, что его ролью было не только организовать грамматическую форму там, где элемент уже по своей природе осознал как существительное, но и там, где этого не было и тогда артикль появлялся как единственный и окончательный критерий, присутствие которого неопровержимо указывало на грамматическую установку имени. Так, роль артикля в субстантивации старофранцузского инфинитива или, например, в *lo satanas... aleanz en cruz fai los levar, // alquanz d'espades degollar, // E llos alquanz fai escorter, // alquanz en fog vivs trebucher, // et en gradilie ls fai toster // alquanz ap petdres lapider* (Passion 489—496), где *alquanz* иногда трактуется как местоимение, а иногда как существительное *llos alquanz*, иногда *alquanz* повторяется местоименной формой *los*, которая напоминает оторванный артикль от субстантивированной синтагмы и перенесенный после глагола с целью оттенить дистанцию между глаголом и его объектом. Такая трактовка личной местоименной формы говорит о его формальной и, возможно, семантической связи с формой артикля. Потенциальная мощь артикля как субстантивирующего элемента четко наблюдается в *ne fut tel barnez cum le sun senz le vostre* (Pèlerinage 50), *ele fut ben corunee al plus bel e as meuz* (Pèlerinage 6), *e dist li patriarches: ben avez espleitez quan deus venistes qerre estre vos dait le melz* (Pèlerinage 167—8); во втором и в третьем примере субстантивируется превосходная степень наречия и создается имя существительное с весьма высокой

степенью обобщения. С еще большей отчетливостью субстантивирующая мощь артикля проявляется в *al matin sum la l'albe qant li iurz lur apert* (Pèlerinage 239), где артикль *la* повторно субстантивирует именную синтагму *l'albe*. Этот текст дипломатической копии передается Э. Кошвицем в следующем виде *al matin par som l'albe* (239), где синтагма *l'albe* восстановлена в ее первоначальном виде на основе семантического членения речевого потока, а не формального. Таким образом, мы видим, что артикль, сам будучи мощным фактором структурной организации именной синтагмы старофранцузского языка, подчинялся семантическому сегментированию передаваемой информации.

Двучленных синтагм (гр. II) в препозиции меньше, чем одночленных, в *Passion* их 14, в *Alexis* 9 и в *Pèlerinage* 12, всего 35 (т. IV). Двучленные синтагмы в функции объекта распадаются на две группы: одни состоят из имени существительного и прилагательного, другие из двух имен существительных, из которых одно служит другому определением. Доминируют двучленные синтагмы с прилагательными, например, *e grant maisnede doüsses gouverner* (*Alexis* 413), *malveise garde t'ai fait suz mon degret* (*Alexis* 393), *tanz jurz ad que ne m'virent* (*Alexis* 210), *larges almosnes par Alsis la .citet dunes as povres* (*Alexis* 93—94), *fort satanan alo venquet* (*Passion* 374), *blanc vestiment si l'a vestit* (*Passion* 219), *armaz vassals dunc lar livret* (*Passion* 367), *maior forsfait que i querem?* (*Passion* 182), *gente parole ad dite* (*Pèlerinage* 710), *grant outrage feistes* (*Pèlerinage* 686); *mal gabement ad ci* (*Pèlerinage* — 600, 754), так как их оказывается 36 из 38. В данном случае имя существительное берется не в каком-нибудь самом общем виде, но уже с определенным признаком. Этот признак создает новое сочетание, которое при переходе в поток информации носитель языка может осознать двумя аспектами: либо как, в свою очередь, снова понимаемое в самом общем виде, например, *blanc vestiment*, либо как индивидуализированное *li blancs vestimenz* или *uns blancs vestimenz*. Их положение в препозиции создает для них особую ситуацию, в которой они сразу обращают на себя внимание, составляя первую часть предикативной синтагмы.

Некоторые синтагмы этого типа имеют своеобразные грамматические определители, так, *si veirs miracles lur ad deus demustret* (*Alexis* 559), *si fort sudar dunques suded* (*Passion* 126), *afanz per nos susteg mult granz* (*Passion* 16), *ke si grant barnages ait nul rei suz cel* (*Pèlerinage* 312), которые создают грамматическую установку в виде более рельефной формы. Синтагмы, состоящие из двух имен существительных (в препозиции их имеется лишь 2), имеют своеобразную внутреннюю структуру *regnum dei nuncient per tot* (*Passion* 486) и *corona prendent de las espines* (*Passion* 247). Син-

тагма *regnum dei* состоит из двух непосредственно контрактирующих существительных, из которых определяющее *dei* осознается говорящими в индивидуализированном наподобие имен собственных виде и не нуждалось в детерминативах на всем протяжении истории французского языка; причем в данном случае *dei* имеет не обычную старофранцузскую форму *deu*, но латинизированную форму латинского генитива. Синтагма *corona de las espines* при определяющем имеет артикль и все сочетание *de las espines* понимается как „сделана из“. Таким образом, обе эти синтагмы получают формальное подкрепление от второго компонента, который сам является грамматикализированным в весьма высокой степени.

Как особую черту, чрезвычайно характерную для двучленных именованных синтагм в функции объекта, нужно отметить тот факт, что, во-первых, будучи в препозиции, она ничуть не стремится к образованию тесного контакта с глаголом, например, *pitet en a mult grande* (*Pèlerinage* 788), *afanz, per nos susteg mult granz* (*Passion* 16); *armaz vassals dunc lor livret* (*Passion* 367), *lingues noves il parlaran* (*Passion* 459), *larges almosnes par Alsia la sitet dunet as povres* (*Alexis* 93), в котором сама синтагма нуждается, по-видимому, в гораздо меньшей мере, чем одночленная синтагма, так как двучленная никогда не образует вместе с глаголом новой лексемы; во-вторых, из 35 двучленных синтагм лишь две находятся в середине предложения *de cui Jesus vera carn presdre* (*Passion* 330) и *soventes feiz lur veit grant duel meper* (*Alexis* 241), где в первом случае предложение имеет не только объект, но и эксплицитно выраженный субъект, а во втором инфинитив притягивает управляемый объект сильнее, чем личная форма глагола. Зато 33 двучленные синтагмы (94,6 %) находятся в самом начале передаваемой информации и всего окружения для одного глагола; эта синтагма находится также в начале строки в стихотворном тексте. Все это означает больший ее вес в потоке информации, чем у одночленной синтагмы; ее важность и самостоятельность базируется на ее семантической роли, но непременно отражается и на ее грамматической установке, которая не поглощается целиком глагольной формой. Эти особые условия функционирования создают, по всей вероятности, возможность системной оппозиции: именной объект без Z, D) с Z, D.

Выше произведенный анализ именных синтагм глагольного объекта в препозиции позволяет сделать вывод, что возможность противопоставления без Z, D /с Z, D, хотя имеет своим первичным основанием грамматическую структуру предложения в целом, в конечном итоге оказывается зависимой от семантического сегментирования речевого потока.

Постпозиция, которая нами считается естественной ситуацией для глагольного объекта, представлена в изучаемых памятниках в гораздо большем количестве, чем препозиция. Изучение одночленных синтагм (ср. тт. IV, V) в функции объекта показывает, что в основном они составляют такие же функционально-синтаксические группы, как и объект в препозиции. В первую очередь нужно отметить функционально-синтаксическую фигуру исчисления, например, *tut te durai, boens hom, liṭ ed ostel e pain e charn e vin* (Alexis 224–5); *nen est merveile, n'ai mais filie ne filz* (Alexis 465); *ne remandrat en bois cerf ne daim a fuir, nule bise salvage ne chevrol ne gupil* (Pèlerinage 598–9); *ad toz rendra e ben e mal* (Passion 472).

Исчисление состоит из двух или из целого ряда исчисляемых членов, которые могут быть одночленными или двучленными и функционировать в одном и том же ряду, например, *tant vos durrai or e argent e avoir trust* (Pèlerinage 314), *duze liz i ad dous de givre e de metal oreillers e velus e lincous de cendal* (Pèlerinage 425). Среди одночленных синтагм в роли объекта (гр. I) исчисление составляет 46 %; они возможны, как в конструкциях VO, так и в конструкциях Sn VO, например, *Karlemaines len rent saluz e amitez* (Pèlerinage 166, 182, 190), *madame la reine dist folie e tord* (Pèlerinage 813). Все это говорит о том, что почти половина одночленных объектов функционирует в таких условиях, в которых большая грамматикализация при помощи детерминативов уже не нужна.

Затем нужно отметить тот факт, что некоторые одночленные синтагмы управляются глагольной формой в отрицании, например, *suz, ciel n'at home* (Alexis 590); *n'ourent amfant* (Alexis 22); *que mais n'avrat amfant* (Alexis 36 ср. 43); *mais n'en aveis cure* (Alexis 408); *de Crist non savent mot parler* (Passion 478); *unkes ne out larun* (Pèlerinage 324); *nencuntrent aveogle ki ne seit reluminet* (Pèlerinage 257). Такие одночленные синтагмы отличаются непосредственным контактом с глаголом, т. е. они оказываются в двойной зависимости: прямое подчинение глаголу и опосредованное подчинение отрицанию. В современном французском языке такая синтагма вводится просто предлогом *de* без детерминативов, а в балтославянских языках объект при отрицании получает форму не винительного, а родительного падежа. Все это означает, что отношение отрицание—объект понимается иначе, чем просто глагол—объект. Объекты при отрицательной форме глагола составляют 23,5% всех одночленных синтагм в постпозиции, между тем как в препозиции они составляют всего лишь 7,6% одночленных синтагм у функции объекта.

Среди одночленных объектных синтагм без Z, D в постпозиции, как и в препозиции, наблюдается максимально возможный контакт между глаголом

и его объектом. В одних случаях теснота контакта оказывается до такой степени высокой, что глагол с именем существительным без *Z, D* в функции объекта образует фразеологические сочетания, известные в современном французском языке, например, *prepent congiet* (Alexis 598); *ja navras mal dunt te puisse guariz* (Alexis 153); *non avra mal* (Passion 462); *que de nos aiet pieted* (Passion 201); *de Crist non sabent mot parler* (Passion 478); *qe en volt faire justise* (Pèlerinage 213); *aiez merci de mei* (Pèlerinage 720). В подобных сочетаниях в современном языке детерминативы в установке имени существительного также отсутствуют. Однако в ряде случаев с теми же глаголами именные объекты конструируются без *Z, D* там, где в современном языке это невозможно, так как они образуют лишь свободные словосочетания, например, *la pristrent terre o deus les volt mener* (Alexis 80); *or volt que prengent moyler a son vivant* (Alexis 39); *per ico quident avoir discumbrement* (Alexis 528); *n'en fait musjode pur son cors engrassier* (Alexis 254); *il li non credunt que aia carn* (Passion 438); *si ferunt processiu la dedenz en cel encloistre* (Pèlerinage 821). В других случаях глагол образует со своим объектом без *Z, D* прост предикативную синтагму, например, *tant aprist letres que bien en fut guarit* (Alexis 34); *si alguns d'els beven veren* (Passion 461); *convertent gent et popu* (Passion 487); *de glo di dicent pentecostem* (Passion 476); *e passent monteles* (Pèlerinage 260); *quant vos prestat ostel* (Pèlerinage 466); *ne en parfont plaet* (Pèlerinage 550). Во всех вышеприведенных примерах объединение глагола и его именного объекта без *Z, D* в предикативную синтагму является чистой случайностью с точки зрения грамматической структуры, так как оно обуславливается лишь семантическими потребностями, заключенными в данном сообщении.

Предикативная синтагма, состоящая из глагола и объектной синтагмы без *Z, D*, отличается очень большой степенью сплоченности при постпозитивном положении объекта, так, из 114 предикативных синтагм в конструкции *VO* абсолютная теснота контакта между глаголом и объектом не наблюдается лишь в 10 случаях, которые составляют лишь 0,9% общего количества синтагм. Теснота контакта нарушается при наличии обращения, которое втискивается между объектом и глаголом, например, *tut te durai, boens hom, lit ed ostel e pain e charn e vin* (Alexis 224–5), *quier mei, bel frere, ed enque e parchemin ed une rene* (Alexis 281). По существу обращение разрывает тесноту контакта лишь на уровне передачи семантических элементов, что выражается интонацией и паузами, а само обращение с точки зрения грамматической структуры составляет инородное тело в предложении (оно само является предложением) и поэтому не создает грамматической дистаксии между глаголом и объектом

Остальные случаи дистаксии глагола и его объекта бывают либо при наличии неударного личного местоимения *fait lui contenance gente amiste li portet* (Pèlerinage 825), что в принципе известно также и современному языку, либо при наличии косвенного объекта, выраженного именной синтагмой, *e dist al altre mot* (Pèlerinage 701), что также известно современному языку (*apprendre aux enfants la grammaire*). Таким образом, можно сделать вывод, что при постпозитивном положении объекта без *Z, D* наблюдается особенно тесный контакт между глаголом и объектом, как в случаях образования фразеологических сочетаний, так и в свободных сочетаниях. Соблюдение этого контакта вызвано, по-видимому, требованием большой сплоченности в предикативной синтагме, так как она дает окончательные грамматические контуры именной синтагме без *Z, D* в функции глагольного объекта.

Конструкции *Sn VO* и *Sp VO*, т. е. когда субъект является выраженным либо именем существительным, либо его субститутом, позволяет наблюдать такую же сплоченность в следовании основных членов предложения, как и в препозиции, например, *ki ad pechiet bien s'en poet recorder* (Alexis 546), *nostre anceisur ourent cristientet* (Alexis 12), *qe io ne sai mesure* (Pèlerinage 321), *Carles ad fait folie* (Pèlerinage 629), *lo mels signa deitat* (Passion 444). Дистаксия создается лишь при наличии безударных местоименных элементов, например, *s'il nus funt presse* (Alexis 525), *qui vos presta ost el* (Pèlerinage 590, 563), *deus i fist miracles* (Pèlerinage 774), *Karlemaines len rent saluz e amistez* (Pèlerinage 166, 182, 190), которые полностью подчинены предикативной синтагме, в особенности ее глагольному элементу. Нужно отметить еще одну особенность, выявляющуюся в конструкциях *Sn (Sp) VO*, которая свидетельствует об окончательном перемещении безударной местоименной формы в препозицию по отношению к глаголу. Это перемещение, которое было еще обязательным в конструкциях *VO*, вызвано, по-видимому, присутствием эксплицитно выраженного субъекта и свидетельствует о непосредственном контакте глагола с его объектом без *Z, D*. Обращает на себя внимание еще одна черта объекта без *Z, D*, которая свидетельствует о том, как глубоко взаимодействуют грамматические установки объекта и субъекта. Как при препозитивном, так и при постпозитивном положении объекта без *Z, D*, грамматическая форма всего предложения требует установки с *Z, D* для субъекта, выраженного именем существительным. Такое требование, вызванное, по-видимому, процессом грамматикализации французского предложения, осуществляется полностью также и в случае *Sn VO*, где субъект выражен либо именем собственным *Karlemaines, Carles*, либо словом *deus*, либо просто именами существительными *uns vilairs, madame la reine, lo mels, li pluisur, la muiler, nostre anceisur*. Следовательно,

независимо от синтаксического положения именной синтагмы в роли объекта, ее грамматическая установка без Z, D предполагает установку с Z, D для именной синтагмы субъекта.

Двучленные синтагмы в постпозиции занимают несколько иное положение, чем в препозиции. Если в препозиции одночленные объекты в *Alexis* и в *Pèlerinage* (в *Passion* наблюдается противоположное положение) занимают второе место по численности, то в постпозиции можно констатировать обратное соотношение численности одночленных и двучленных синтагм в роли объекта (ср. данные т. IV). Соотношение этих двух типов объектных синтагм в постпозиции воспроизводит, по всей вероятности, естественное положение вещей в процессе сообщения, где говорящий в качестве глагольного объекта употребляет чаще всего одночленные синтагмы. Иное соотношение в препозиции говорит о том, что двучленные синтагмы занимают там особое положение в самом сообщении, так как они находятся обычно в начале предложения и в начале строки. Противоположное же соотношение одночленных и двучленных синтагм объекта в *Passion* еще раз подтверждает два факта, что, во-первых, в *Passion* кульминируют не те тенденции, которые затем становятся единственными истинно французскими и, во-вторых, если следование VO, выявившееся позднее как нормальное, имеет свои закономерности, то такие же закономерности наблюдаются и в следовании OV.

Среди особенностей конструирования двучленных синтагм в постпозиции нужно отметить, что, в основном, все они являются лишь повторением тех черт, которые были выявлены при анализе тех же синтагм в препозиции. Тип двучленных синтагм, состоящих из двух существительных, оказывается также малочисленным, как и в препозиции, так, *sire, io ai num Karl'* (*Pèlerinage* 151); *el escarnie rei Jesum* (*Passion* 288), *ki portat damne deu* (*Alexis* 90); помимо имен собственных в качестве определяющих могут выступать просто имена нарицательные, так, *dunc li achatet filie ad un noble Franc* (*Alexis* 40), *li si requierent conseil d'icele chose* (*Alexis* 303), но чаще всего в таких случаях объектная синтагма оказывается разъединенной, так, *alquant des palmes prendent rams* (*Passion* 37), *el de ta medre, quer aveies mercit* (*Alexis* 438), *de la celeste li mostret veritet* (*Alexis* 64), *de cest aveiz certes nus n'avum cura* (*Alexis* 532). Такое разъединение обуславливается, по всей вероятности, требованиями поэтического языка, а также четкостью грамматической формы второго компонента, что позволяет вынести его в начало предложения, делая его элементом первостепенной важности в сообщении.

Тип двучленных синтагм, состоящих из существительного и прилагательного, также знает разъединение, так, *felo Judeu... enz lor cors grand an an-*

veie (Passion 78), *granz en avem agud errors* (Passion 365), *molt cars portavent unguemenz* (Passion 392). Такое разъединение в современном языке широко известно лишь в конструкции именной части сказуемого *grand fut notre étonement*, но в обыкновенной синтагме объекта оно невозможно, так как этого не позволяет четкая и сплоченная грамматическая форма объектной синтагмы, возможной обычно лишь с Z, D. Существование такой возможности в старом языке говорит о том, что структура двучленной синтагмы без Z, D была гораздо менее замкнутой. Эти факты доказывают, что противопоставление именной синтагмы без Z, D/с Z, D было действительно в старом языке не только лишь на семантическом, но и на структурном уровне.

Контакт между глаголом и двучленной синтагмой без Z, D в функции объекта оказывается в постпозиции еще более тесным, чем в препозиции, он нарушается лишь в конструкциях с эксплицитно выраженным субъектом и при инверсионном положении последнего, так *prenget li reis espees de tuz les chevalers* (Pèlerinage 542), *dunc escribed Jesus granz criz* (Passion 314), но эти два единственных случая лишь подчеркивают сплоченность основных элементов в предложении. Среди двучленных синтагм объекта это следование нарушено лишь в одном примере *jo atendei de tei bones noveles* (Alexis 479).

Если в препозиции для двучленных синтагм объекта характерно положение в начале сообщения (начале строки), то в постпозиции таким же образом двучленный объект располагается в конце предложения и в конце строки 89%. Случаи, когда двучленный объект находится в середине предложения, составляют лишь 3,7%. Следует иметь в виду, что в постпозиции такое положение синтагм не обусловлено каким-нибудь особым нюансом сообщения, как это можно наблюдать в препозиции, а зависит от сравнительно небольшого объема того сегмента, который группируется вокруг глагола и который был так характерным для старофранцузского стихотворного текста.

Третья группа именных синтагм, обозначенная нами общим термином „Названия“, довольно многочисленна в функции субъекта, почти что не существует в функции объекта. В этой функции имеется всего лишь 5 синтагм, одна в препозиции *sanz spiritum posche laudar* (Passion 515) и четыре в постпозиции *sobre son peiz fez condurmir sant Johan* (Passion 108), *si n'dimes Pater Noster* (Alexis 625), *iloec truverent danz Alexis sedant* (Alexis 114, ср. 568), *e regardet Franceis les feres cumpaignes* (Pèlerinage 649). Тип имен собственных, различных названий в процессе образования информационного потока соответствует скорее грамматической функции субъекта, чем объекта. Их семантическая самостоятельность, как в функции субъекта, так и в

функции объекта, находит свое выражение в грамматической установке без *Z, D*.

Анализ именных синтагм в функции объекта выявляет еще одну черту этой именной группы, а именно ее удивительно четкую морфологическую форму. Несоответствия обычной нормы обнаруживаются лишь в трех случаях, где имя прилагательное не соответствует обычной форме *cas régime* мн. ч. *grant vertuz* (*Pèlerinage* 186, 192) и *estrange soldeers* (*Pèlerinage* 311), но где имя существительное полностью соответствует этой норме. Эта правильность объясняется тем фактом, что морфологическая форма объекта является той формой, которая затем станет единственной для французского имени существительного.

Сравнительные обороты (ср. т. IV), как относящиеся к субъекту, так и к объекту, имеют установку без *Z, D*. Они конструируются двояко, будучи либо продолжением объекта, выраженного именной синтагмой, например, *e out la char tant blanche cume flur en ested* (*Pèlerinage* 403), *cil corne sunent... cume taburs u toneires u grant cloches qui pent* (*Pèlerinage* 358–9), либо продолжением объекта, выраженного субститутотом и раскрывающим его семантическое содержание, например, *dunc lo saludent cum senior et ad escarn emperador* (*Passion* 251–2), *liadens mans, cume ladron, si l'ent menen a passiun* (*Passion* 163–4), *altresi le fait turner cum arbre de mulin* (*Pèlerinage* 372). Установка сравнительных оборотов без *Z, D*, независимо от структуры объекта и его установки, свидетельствует о том, что сравнение само по себе подразумевало вариант лексемы без *Z, D*. К той же самой рубрике нами относится и своеобразный тип восклицания, не образующий обращения, а скорее составляющий эллиптический объект, например, *seinurs de Rome, pur amur deu, mercit!* (*Alexis* 461, ср. 359). Восклицательный тип именных синтагм, так же как и сравнительный, конструирует свою грамматическую установку в старофранцузском только без *Z, D*, так как концептуально он воспринимается говорящими в обобщенном виде, а не в индивидуализированном, и поэтому не нуждается в детерминативах.

Отрицание или утверждение относятся непосредственно к самой предикации, на именные синтагмы они отражаются лишь косвенно. Как по отношению к субъекту, так и по отношению к объекту, преобладают утвердительные конструкции (ср. данные нижеследующей таблицы). По отношению к объекту нужно отметить одну особенность, а именно в *Passion* отрицательные конструкции весьма немногочисленны и распределяются они поровну в препозиции и в постпозиции; в *Alexis* и в *Pèlerinage* они более многочисленны и почти все находятся в постпозиции. Так как объекты, за исключением *Passion*, преобладают в постпозиции (ср. т. IV) и отрицание также охватывает постпозитив-

ные объекты (при этом утвердительные конструкции все равно преобладают в постпозиции), можно сделать вывод, что для установки без Z, D объектных синтагм отрицание не имеет какого-нибудь особого значения. Отрицание или утверждение имеет свое обоснование в смысле самого сообщения. Глагол с отрицанием, т. е. имеющий еще один дополнительный признак, образует весьма сильную грамматическую установку и тем самым способствует переброске объектной синтагмы в постпозицию. (Ниже приводимая таблица воспроизводит числовое распределение объектных синтагм в утвердительных и отрицательных предложениях.)

Passion			Alexis			Pèlerinage		
Утверждение	Отрицание		Утверждение	Отрицание		Утверждение	Отрицание	
I, II 69 III 2	6		I, II 59 III 3	17		I, II 135 III 1	20	
	—			—			—	
	Препо- зиция	Постпо- зиция		Препо- зиция	Постпо- зиция		Препо- зиция	Постпо- зиция
	3	3		1	16		2	18

— — —

Вопрос о том, какую роль играли в функционировании старофранцузского языка номинальные синтагмы без Z, D, впервые со всей остротой был поднят П. Гиро⁵, гипотеза которого вызвала ряд откликов в зарубежной литературе⁶. Свою теорию П. Гиро назвал противопоставлением *actuel/virtuel*, которое нужно понять как чисто семантическое противопоставление, покоящееся соответственно на формальном противопоставлении артикль/отсутствие артикля. Эта система была поколеблена в средних веках перенесением признака

⁵ P. Guiraud, *La Grammaire*, Paris, 1961, стр. 93—101; *L'expression du virtuel dans le „Roland“ d'Oxford. Romania*, 1962, LXXXIII, Nr. 3, стр. 289—302; *L'Ancien français*, Paris, 1963, стр. 106—109, 117—121; *Le Moyen français*, Paris, 1963, стр. 99—102; *La Syntaxe du français*, Paris, 1963, стр. 34—36; *L'opposition actuel-virtuel. Remarques sur l'adverbe de négation dans „Aucassin et Nicolette“*. In: *Mélanges de linguistique romane et de philologie médiévale offerts à M. Delbouille. Gembloux*, 1964, стр. 295—306; *L'assiette du nom dans „La chanson de Roland“*. *Romania*, 1967, t. LXXXVIII, N 1, стр. 59—83.

⁶ N. C. W. Spence, *Existait-il en ancien français une opposition actuel/virtuel*. *Revue de linguistique romane*, 1966, t. XXX, стр. 183—197; B. Woldge, J. Beard, C. H. M. Horton et J. Short, *La déclinaison des substantifs dans la Chanson de Roland*. *Recherches mécanographiques. Romania*, 1967, LXXXVIII, стр. 145—174.

множественного числа *s* на артикль, что привело к конфликту между функциями и к нейтрализации определенной части первичных употреблений. С грамматической точки зрения понятие *virtuel* составляет немаркированную категорию, которая характеризуется не только полным отсутствием детерминации, но также отсутствием и любой другой модальности. Эта форма оказывается лишенной грамматической установки (*assiette grammaticale*) и реализуется под обобщенной формой аккумулятива в функции субъекта и объекта. В речи слова могут обозначать вещи и ситуации, понимаемые как имеющие реальное существование во времени и в пространстве, с одной стороны, и как воображаемые, как класс, как сущность, с другой. Следовательно, противопоставление *actuel/virtuel* может быть сведено к противопоставлению *réel/irréel*, что является скорее психологическими или логическими категориями, чем лингвистическими. Следуя определению П. Гиро, *virtuel* означает сущность в противопоставлении существованию, понятие напротив объекта; *virtuel* подразумевает также самые различные формы воображения. Отсюда вытекает, что в *le chien est un mammifère; il est noir comme un corbeau; la force crée le droit* слова *chien, noir, force* означают виртуальные понятия, которые не имеют реального существования. Понятно также, что, по мнению П. Гиро, все, что отрицается, предполагается или понимается как желаемое, возможное или просто как будущее, приближается к понятию виртуального.

В теории П. Гиро можно выделить два момента: реализации этой теории на материале старофранцузского языка и ее концептуальное построение. На языковом материале П. Гиро видит противопоставление *actuel/virtuel* в установке глагола и в установке имени существительного. Структура именной синтагмы интересует нас в особенности. Для П. Гиро морфема *s*, на отсутствии или присутствии которой в основном зиждилось двухпадежное склонение старофранцузского языка, была не только лишь указателем падежной формы, но вместе с тем и актуализатором имени существительного, следовательно, форма *cas régime* без детерминативов мужского рода в функции субъекта соответствовала пониманию *virtuel*. Если, по воле говорящего, то же самое понимание должно было осознаваться как *actuel*, оно же актуализировалось при помощи артикля, который сопровождался появлением морфемы *s*. П. Гиро основывал свои наблюдения на именах существительных в функции субъекта и именной части сказуемого, исключительно по данным *Chanson de Roland*. Его оппоненты Б. Уоледж, Дж. Борд, К. Х. М. Хортон и И. Шорт сразу указывают, что в *Chanson de Roland* имеется ряд противоположных примеров (строки 766, 1953), которые не соответствуют концепции П. Гиро *actuel/virtuel*. В своем коллективном исследовании они приводят следующее соотношение между склонением и детерминацией: имена существительные в функции

субъекта и атрибута с Z, D имеют форму *cas sujet* 77,7% и форму *cas régime* 22,3%, имена существительные без Z, D имеют форму *cas s.* 65,7% и форму *cas r.* 34,3% (ук. соч., стр. 167). Вышеприведенный процент указывает на тот факт, что в *Chanson de Roland* имя существительное, независимо от присутствия или отсутствия артикля, в значительной мере сохраняет морфологическую форму *cas sujet*. В нами изученных памятниках именные синтагмы без Z, D в функции субъекта представляют следующие проценты: в *Passion* с морфемой s 84% против 16% без s, в *Alexis* 70% против 30%, зато в *Pèlerinage* обратное соотношение 25% с s против 75% без s. Данные *Passion* и *Alexis* подтверждают мнение оппонентов П. Гиро, а данные *Pèlerinage* говорят о том, что в функции субъекта именные синтагмы предпочитают форму без Z, D.

П. Гиро не дает никакого указания, на каком основании он устанавливает понятие *virtuel* лишь для функции субъекта и лишь для имен существительных мужского рода (в редких случаях женского рода), способных иметь морфему s. Ведь в старофранцузском хорошо известен процесс постепенного угасания двухпадежного склонения, который шол по двум линиям: сначала четкое, постепенное укрепление двухпадежной парадигмы при помощи морфемы s, затем неуклонное и окончательное исчезновение противопоставления *cas sujet/cas régime*. Следовательно, форма *cas régime* становится единственной формой имени существительного. Таким образом, и более частое употребление существительного с s и проникновение в функцию субъекта обобщенной формы без s были результатом структурных сдвигов в функционировании старофранцузского имени.

Попытка П. Гиро связать виртуальное функционирование имени существительного с отрицанием или с глагольными формами, выражающими сомнение, желание, возможность, не является в достаточной мере убедительной. Как это показывает нами произведенный анализ (стр. 16–18, 58–59), некоторые существительные, как *home*, действительно весьма часто выполняют функцию субъекта после отрицания, но встречаются также и противоположные примеры, где после отрицания функционирует форма *hom*. Поэтому, как нам кажется, есть основания сомневаться в достоверности вышеприведенного аргумента. Утверждение П. Гиро о том, что наклонение глагола способствует виртуальному употреблению имени существительного (ср. *L'opposition actuel-virtuel. Remarques sur l'adverbe de négation dans „Aucassin et Nicolette“*, стр. 297–298), нашими наблюдениями не подтверждается.

Остается также невыясненным, почему П. Гиро ограничивает сферу противопоставления *actuel/virtuel* не только лишь одной функцией субъекта, но и довольно узким кругом имен существительных. Ведь в старофранцузском

языке существовала довольно значительная группа несклоняемых существительных, а также существительных женского рода, лишенных падежной актуализации при помощи морфемы. Следовательно, огромное количество понятий и представлений, которые выражались именами существительными женского рода или несклоняемыми формами, было вообще лишено любой возможности виртуальной реализации в языке. Такая трактовка данного вопроса нам представляется необоснованной.

В старофранцузском языке действительно существовало противопоставление именная синтагма без *Z, D*/с *Z, D*. Как показывает произведенный нами анализ именных синтагм без *Z, D* в функции субъекта и объекта, их синтаксическое функционирование всегда определяется весьма четко с целью полного исключения любой двусмысленности, даже если решающим фактором должна оказаться их семантическая сторона. Все это указывает на тот факт, что при анализе синтаксических явлений всегда должна учитываться их семантическая сторона. Организуются ли именные синтагмы с *Z, D* или без *Z, D*, этот факт является второстепенным при определении синтаксической функции и целиком относится к семантике. Н. К. Х. Спенс (ук. соч., стр. 194 – 195) замечает, что, если выражение логических категорий „актуального“ и „виртуального“ совпадает в старофранцузском до некоторой степени с присутствием или отсутствием артикля, нельзя на основании этого факта установить грамматическую оппозицию на уровне языка. Такое утверждение является, по всей вероятности, слишком категоричным.

Как показывает настоящее исследование, противопоставление именной синтагмы без *Z, D* /с *Z, D* действительно существовало в старофранцузском языке. Оно было вполне реальным на уровне грамматической формы старофранцузского предложения. Любое имя существительное в любой синтаксической функции могло организовать свою установку либо без *Z, D*, либо с *Z, D*. В конечном итоге принцип той или иной установки именной синтагмы зависел от того, как говорящий хотел передавать определенное понятие, представление, предмет. Если говорящий осознавал его в самом общем, неопределенном виде, он организовал его грамматическую установку без *Z, D*, если он осознавал его в более конкретном виде, он употреблял самые общие детерминативы – форму артикля, если же данное представление, понятие или предмет воспринимались им в определенной связи с действующим лицом или с ситуацией, требующей указания, он применял местоименные детерминативы.

Таблица I

Наименование памятника	Субъект ⁷ без Z, D							Сравнение, поскливание
	Препозиция							
	Итого	Одно- членные синтагмы (гр. I)	Дву- членные синтагмы (гр. II)	Назва- ния (гр. III)	Трансля- тив	Интрансля- тив	Без глагола	
Passion	33; 0,79	17; 0,51	8; 0,24	8; 0,24	11; 0,33	20; 0,6	2; 0,07	—
Alexis	30; 0,73	14; 0,44	5; 0,17	11; 0,39	12; 0,37	12; 0,4	6; 0,23	2
Pèlerinage	18; 0,66	4; 0,22	—	14; 0,78	6; 0,35	11; 0,6	1; 0,06	8

Постпозиция

Passion	8; 0,21	4; 0,5	2; 0,25	2; 0,25	3; 0,37	4; 0,5	1; 0,12
Alexis	12; 0,27	9; 0,72	1; 0,09	2; 0,18	3; 0,27	9; 0,73	—
Pèlerinage	11; 0,33	6; 0,54	—	5; 0,46	3; 0,3	7; 0,7	—

⁷ Коэффициент для табл. I вычисляется следующим образом: в рубрике „итого“ сравниваются две величины — препозиция и постпозиция; в рубриках „гр. I, II, III“ сравниваются все три указанные величины между собой; в рубриках „транслятив, интранслятив, без глагола“ также сравниваются между собою три указанные величины.

Таблица II

Наименование памятника	Субъект ⁸ с Z, D						Итого без Z, D	Итого с Z, D	Итого с Z	Итого с D
	Препозиция			Постпозиция						
	Итого	Транслятив	Интранслятив	Итого	Транслятив	Интранслятив				
Passion	39; 0,46	29; 0,74	10; 0,26	45; 0,54	29; 0,65	16; 0,35	41; 0,34	84; 0,66	65; 0,78 0,5	19; 0,22 0,16
Alexis	53; 0,37	47; 0,87	7; 0,13	95; 0,63	75; 0,79	20; 0,21	32; 0,21	149; 0,79	100; 0,66 0,53	49; 0,33 0,26
Pèlerinage	135; 0,45	36; 0,28	99; 0,72	160; 0,55	17; 0,1	143; 0,9	29; 0,08	295; 0,9	265; 0,9 0,82	30; 0,1 0,09

⁸ Левое число в рубрике означает количество синтагм, правое — коэффициент. Коэффициент рубрики „Итого“ в препозиции воспроизводит соотношение с „итого“ в постпозиции. Коэффициенты транслятива и интранслятива воспроизводят их соотношение в препозиции и в постпозиции в отдельности. Коэффициенты без Z, D и с Z, D воспроизводят их взаимное соотношение. Такое же взаимное соотношение воспроизводится коэффициентами верхнего ряда рубрик с Z и с D. Нижний ряд коэффициентов этих же рубрик воспроизводит соотношение рубрик без Z, D / с Z/ с D.

Таблица III

Коэффициент, учитывающий общее количество всех синтагм*

Субъект	Наименование памятника	Без Z, D		С Z, D		Препо- зиция	Постпо- зиция
		Препо- зиция	Постпо- зиция	Препо- зиция	Постпо- зиция		
Alexis	0,15	0,06	0,28	0,5	0,38	0,62	
Pèlerinage	0,05	0,02	0,42	0,5	0,52	0,48	

Объект	Наименование памятника	Без Z, D		С Z, D		Препо- зиция	Постпо- зиция
		Препо- зиция	Постпо- зиция	Препо- зиция	Постпо- зиция		
Alexis	0,07	0,3	0,23	0,4	0,3	0,7	
Pèlerinage	0,07	0,25	0,2	0,47	0,3	0,7	

* В таблице III коэффициент вычисляется путем сравнения групп без Z, D и с Z, D между собой, с одной стороны, и путем сравнения препозиции и постпозиции, с другой.

Таблица IV

Наименование памятника	Объект без Z, D ¹⁰					Сравнение, восклицание
	Препозиция					
	Итого	Одночленные синтагмы (гр. I)	Двучленные синтагмы (гр. II)	Названия (гр. III)	Без глагола	
Passion	48; 0,62	32; 0,68	14; 0,28	1; 0,01	1; 0,01	3
Alexis	16; 0,2	7; 0,43	9; 0,57	—	—	4
Pèlerinage	30; 0,24	13; 0,48	14; 0,52	—	—	8
Постпозиция						
Passion		28; 0,38	14; 0,52	13; 0,48	1; 0,01	—
Alexis		64; 0,8	35; 0,54	24; 0,37	3; 0,04	2; 0,03
Pèlerinage		96; 0,76	62; 0,64	33; 0,34	1; 0,01	—
Наименование памятника	Объект с Z, D		Объект			
	Препозиция	Постпозиция	Итого без Z, D	Итого с Z, D	Итого с Z	Итого с D
Passion	42; 0,54	35; 0,46	76; 0,48	77; 0,52	35; 0,46 0,23	42; 0,54 0,27
Alexis	49; 0,37	83; 0,63	80; 0,36	132; 0,64	67; 0,51 0,31	65; 0,49 0,33
Pèlerinage	77; 0,3	176; 0,7	126; 0,33	253; 0,66	149; 0,6 0,38	104; 0,4 0,3

¹⁰ Коэффициент табл. IV вычисляется по тому же принципу, как и в таблицах I, II.

Таблица V¹¹

Название памятника	Группа	Препозиция			Постпозиция		
		Sn OV	Sp OV	OV	Sn VO	Sp VO	VO
PASSION	I гр.	9	2	21	1	1	12
	II гр.	3	1	10	1	2	10
	Итого	11	4	31	2	5	22
ALEXIS	I гр.	—	—	7	4	3	28
	II гр.	3	—	6	3	4	17
	Итого	3	—	13	7	7	45
PELERINAGE	I гр.	—	4	9	15	7	47
	II гр.	2	—	10	4	2	27
	Итого	2	4	21	19	9	74

¹¹ Символ Sn означает субъект, выраженный именем существительным, символ Sp — субъект, выраженный местоимением. Таб. V воспроизводит числовую дистрибуцию указанных синтагм без вычисления коэффициента.

Список сокращенных названий памятников

- Alexis — Sankt Alexis. Alfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrhunderts. Herausgegeben von G. Rohlfs. 1950, Halle/Saale.
- Passion — La Passion du Christ. Les plus anciens monuments de la langue française publiés par E. Koschwitz, Leipzig, 1930.
- Pèlerinage — Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopol. Herausgegeben von E. Koschwitz und G. Thureau, Leipzig, 1913.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Įteikta
1969 m. rugsėjo mėn.

Daiktavardinė sintagma be determinatyvų senojoje prancūzų kalboje

D. Čebelis

Reziუმė

Senojoje prancūzų kalboje daiktavardinė sintagma galėjo būti konstruojama su determinatyvais ir be jų. Abiejų tipų sintagmos funkcionavo bet kokioje sintaksinėje situacijoje. Jų sudarymą su determinatyvais arba be jų apsprendė išimtinai semantiniai faktoriai.